

Александр-Эл. Полефф

Сказки Ночного Города

Два шага до Рая

*"Жидкий гелий закипает при температуре
близкой к абсолютному нулю"
Прописная истина*

1.

Число Совершенства никак не выводилось. Четвертый управления познания аналитик, младший реестратор Кан бился над этим числом уже двести одиннадцать дней и семь с тремя четвертями часов. Его коллеги, работающие, к слову, с более приземленными, но от этого не менее важными материями поглядывали на Кана с откровенно издевательским видом. Мол, давай, жертва пытливости, покажи нам всем, где были твои мозги в тот момент, когда Незримый их раздавал! Компьютер, между прочим, один из лучших в управлении, паровой, громко свистнул – пора менять испорченную перфокарту и активизировать модуль охлаждения. Привычно вскрыв пломбу реактора, Кан снял титановую крышку и извлек из недр машины модуль фиксирующего устройства. Золотое напыление было тонко исчерчено иероглифами – очередной показатель полного отсутствия результата. Защелкнув пазы и запустив механизм замены-охлаждения, двадцатилетний Кан попрощался с коллегами и отправился на ежедневный ритуал "Минуты счастья".

Когда симпатичный бесспорно, молодой брюнет с черными, как нефть глазами вошел в ритуальный зал, внимания на него никто не обратил. Ну, один из сотрудников, ну одет как попало: серебристый плащ, оранжевые джинсы и высокие ботинки с оранжевыми же шнурками – стандартный представитель своего возраста – что на него глазеть? Тем более, сейчас Счастье дадут... Кан привычно занял свое место, подключил к запястьям нейробраслеты и, расслабившись, откинулся в мягком и удобном кресле. Он успел к самому началу сеанса и, потому, долго ждать не пришлось. Миллиарды мегабайт, транслируемых мощнейшим компьютером управления, нежным объятием обволокли сознание каждого в зале. Миллионы нейронов тут же отреагировали, изготовились, принялись жадно ловить информацию. Сегодняшнее счастье было Питательным...

...зал ресторана ослепительно бил по сетчатке блеском хрусталя. Хрустальная люстра, хрустальные графины и бокалы – все это будет в той счастливой жизни. "Не изволите ли блюдо дня?" – спрашивает у каждого из проходящих метрдотель. Смешно одетый старик – неудобный черный фрак, сверкающая белизной сорочка и глупая черная бабочка... Пережиток прошлого, оставленный в напоминание потомкам. Блюдо дня! Эка насмешил, чудак! Даже ребенок знает, что тем, кто живет в Раю, не нужен выбор, он давно уже сделан за них. А вот и само блюдо. Ух, как же это великолепно будет – жить в Раю! Взгляните: ароматная яичница, шкворчащая на чугунной сковороде, настоящий бутерброд с ЦЕЛЬМИ десятью граммами маргарина, три колечка колбасы вареной и... верные пол-литра! Чистая вода – это ж мечтать только можно! Слюной изойти! Сейчас, мы все встанем,

споем молитву Незримому, а потом... Конечно, сперва - воды. Непременно! Очистить вкусовые сосочки, чтобы в полной мере оценить вкус еды - это еще в Нихоне сообразили. Потом соорудить композицию из хлебца (с маргаринчиком, непременно!), яичницы и колбаски сверху - и гам! Так чтоб даже крошечки не просыпалось...

...жаль, минута быстро заканчивается. Зато теперь все заряжены настоящим позитивным настроением на то, чтобы завтра мы все с удесятенными усилиями бросились за работу над вычислением Рая!

В "Загоне" - пропускной учреждения, Кан забрал из номерного шкафа свой защитный комбинезон, личный автомат и, опустив самогерметизирующий костюм пленку шлема на лицо, сдал перфокарту и вышел на улицу. Сухой поток воздуха лениво гнал мусор через Полигон. Кан невольно залюбовался этим бескрайним бетонным морем - именно здесь, сразу же после окончания расчетов, будет построен экспериментальный образец Рая. Тот, который столько лет пытается создать мудрое правительство Терры.

- Встречи в Раю!

Фраза, вырвавшаяся из правильных размышлений Кана, принадлежала двум патрульным.

- Скорой встречи! - улыбнулся Архангелам Кан.

- Уровень допуска? - с места в карьер взял патрульный.

- УП-4-Р-147 дробь 5, К2. Реестратор Кан.

- Требуемый уровень?

- 4

- Можете двигаться к Раю, реестратор Кан.

- Скорой встречи.

Уже, когда Кан, снимая автомат с предохранителя, двигался к внешнему щиту, вовсе не официальным, а вполне даже дружеским голосом, его опять задержали:

- Сынок, через третий осторожно иди. Там сегодня неспокойно.

Кан кивнул и улыбнулся: как все-таки чудесно жить в мире, где все счастливы, работать над единой целью. Он был неисправимым оптимистом...

Второй уровень был по своей сути торговым комплексом. Пара ядроидов перед входом (там еще дебри непролазные и колючие) не проблема. Даже плазму тратить не пришлось, с тварями быстро разобрались армейцы, охраняющие порт. Три короткие очереди - и твари, порожденные безумным сознанием Античеловека, превратились в чуть слышимый через фильтры озон. Проверив свою идентификационную карту, Кан даже присвистнул: электронный кошелек сообщил ему наличие суммы в целых триста компиджей. Никак Большой папа премию обещанную перевел... Наскоро отоварившись в универмаге, включив, не экономя, в свой заказ три новенькие обоймы для автомата, Кан пересек уровень и вошел в порт перехода на третий уровень.

Вообще, Кану в жизни всегда достаточно везло. С жильем же прифартило особенно. Сами понимаете, получить камеру на четвертом, а не на сорок пятом минус уровне – это вам не шутка, а огромный подарок судьбы. Конечно, домой и на службу приходилось добираться пешком, а не в относительно безопасном транспорте, зато в это время Кан всегда мог наслаждаться пейзажем. Вот, например, третий. Выходишь из порта – и справа от тебя озеро. Можно задержаться немного, посмотреть причудливые фигуры, создаваемые токсическими испарениями. Потом – по асфальтной дорожке на север. Там в старую эпоху был парк. Сейчас это любимое место пар с допуском – где ты еще в Станграде сможешь полюбоваться почерневшими остовами деревьев, не ожидая опасности со стороны фауны? Нигде. Разве, что на Приречье. Но это, во-первых, далеко, а во-вторых, там нельзя находиться дольше двадцати минут. Дозиметр сводит с ума своим треском. А здесь, в парке третьего уровня, тишь да гладь. Мысли сами возвращаются к великой задаче – поиску Числа Совершенства, которое, став в несокрушимый строй с остальными Числами, даст отмашку на старт к созданию Рая...

А вот сейчас, буквально через сто метров, начнется квартал пролетариата. Рабочие люди – наш ожидающий резерв. Именно они будут работать на заводах, фабриках, лагерях и рудниках, чтобы идеально рассчитанная мечта стала идеальной реальностью. Их проходить стоит быстро. На всякий случай. Находятся иногда среди бездельников революционеры...

– Привет!

От подобного обращения Кан подпрыгнул. Прямо перед ним был широкий проулок, наполовину заросший хищными ивами – подойди ближе максимальной длины плетей, и больше ты оттуда не уйдешь никогда. Прямо посреди этого проулка стояла девушка, лет двадцати. Невысокого роста – по плечи Кану, с роскошными, рассыпавшимися по плечам светлыми волосами, зеленоглазая представительница человечества. Правда, вместо привычного защитного комбинезона на ней были одеты светло-голубые джинсы и черная куртка с меховым воротником. Она улыбалась Кану доброй и удивительно нежной улыбкой, демонстрируя совершенно нетраченные ураном, белоснежные зубки.

– Привет! – она обратилась к Кану еще раз, – Тебя как зовут?

– Кан. Реестратор Кан.

Он был совершенно ошарашен происходящим. Девушка же вела себя, будто на увеселительной прогулке по Тоннелю отдохновения, защищенному силовыми экранами и снабженному антирад-установками. Она откинула упрямые волосы на спину и Кан почувствовал, что это движение рождает в нем непреодолимое желание... неизвестное до сего момента. Легким шагом девушка приблизилась к Кану, снова улыбнулась и сказала:

– А я – Ирина. Из Киева.

– Откуда?

- Из Киева. Не важно. Я давно наблюдаю за тобой, и вот... - она покраснела - ...решила подойти, познакомиться. Ты не против?

Кан взорвался:

- Идиотка! Ты что не понимаешь, что ты в третьем уровне?? Да здесь же фон выше, чем где-либо! Где твой комбинезон?

- А, - она презрительно отмахнулась, - он мне сейчас и не нужен.

Кан даже не успел произнести какую-нибудь гневную или нравоучительную тираду, как девушка легким движением обнажила небольшой шприц, игла которого без проблем пробила защитный комбинезон Кана и больно вонзилась в плечо, выпуская содержимое в организм. Голова закружилась, и прежде чем Кан успел подумать о диверсии и вскинуть автомат, его мягко и нежно охватил сон. Последнее, что он услышал - это женский голос: "Пойдем...".

2.

Утро началось привычно, как повелось уже на протяжении трех лет, с мелодии будильника. Кан вскочил с кровати и тут же преобильно ударился головой о низкий потолок камеры. Именно на этом привычное утро и закончилось. Завтракая жидким протеиновым концентратом из морской капусты и сои - необыкновенно питательным и полезным - Кан пытался вспомнить, что же именно произошло накануне. Станный сон, где обрывки из Минут Счастья сплетались воедино с неким невообразимым безумием...

...высокий потолок огромного жилья, похожего по размерам на кабинет Большого папы...

Стряхнув с себя бред сновидения, Кан твердо решил после выходных посетить лекаря души - с такими снами и до психотимического криза недалеко, и засобиравшись на службу. Уже готовясь застегивать и герметизировать комбинезон, в кармане плаща он, привычно проверяя наличие идентификационной карты, наткнулся на продолговатый предмет, похожий на уменьшенную перфокарту. Это был ровно разрезанный кусок белого, мелованного картона, где были выведены цифры: 46)34 - 3 - 18-00.

Хмыкнув, Кан вернул обрезок на место и, сняв с предохранителя плазменный автомат, покинул свое жилье.

Служба началась в 9 утра с прославления Незримого. Длинная, протяжная, зауценная молитва была призвана вдохновлять сотрудников на Подвиг сего дня. Компьютер был уже заряжен и тихонько посвистывал паром из спускового клапана. Кан одел нарукавники и принялся искать злополучное сорок третье число после запятой в Числе Совершенства. Сегодня он твердо решил попробовать метод деления точки энтропии на квадратный корень из формулы Польнера. Говорят, этот великий ученый вывел ее, когда играл в карты, то есть, занимался запрещенным времяпровождением. Играл... Неожиданно для себя, он повернул голову к сидящему рядом Горту, аналитику-консультанту по Числу Полноты, и спросил:

- Горт, скажи, а что такое игра?

Горт, старейший из управления, изумленно поднял брови:

- Игра... ммм? Ну, это соревнование, только организованное не с великой целью повышения производительности, а просто так.

- Просто так? - подняла голову от атомного арифмометра инженер младший помощник Вонга

- Ну да. Просто так. Навроде того, как по седмицам в доме смеха демонстрируют вам, молодежи, картины о падениях и, простите, испускании газов.

- Ну... знаете ли! - Вонга явно потеряла интерес к разговору после сего, ибо девушкой была серьезной и на легкомысленные кинокартины для пролетариата не записывалась никогда.

- Странно. - резюмировал Кан и погрузился в работу. Причем, погрузился в нее настолько, что не услышал зуммера, сообщающего служащим о перерыве на прием килокалорий. Очнулся он от того, что его, Кана, трясла за плечо Вонга.

- Кан ты что, на прием не идешь? Все уже ушли...

- Два.. - только и ответил Кан.

Вонга вытаращила на него свои большие, водянистые глаза:

- Что?

- Два. Просто два. - он просиял, как ребенок, которому родители подарили турне в Музей Правительства.

- Кан, ты меня пугаешь! Что "два"? - Вонга была не на шутку встревожена. Кан был потенциальным кандидатом на личность в период доступа, и рассматривала она его, как одного из лучших и потенциальных.

- Два. Понимаешь, Вонга? Два!!! Без запятых и дробей!! Число Совершенства - ДВА!

- Ты совсем заработался. Пойдем скорее, пока прием не окончился. А потом поговорим.

В комнате приема килокалорий Кан занял очередь и вскоре сидел перед стаканом с йогуртом из овса с добавлением поливитаминов и бактериальным комплексом. К чести мудрого правительства, в этом месяце порции были увеличены на целых пятнадцать процентов - не зря же на износ работать приходится! Кан распаковал индивидуальную соломинку, сделал два глубоких вдоха, обязательных перед приемом пищи и...

...стол, застеленный скатертью. На нем громоздятся тарелки - консервированные овощи вперемежку с овощами же, но свежими и мелко нарезанными, залитыми странным белым и очень вкусным соусом, дымящееся мясо, сваренное в тонком слое теста, красного цвета отвар овощей с говяжьим мясом, источающий непередаваемый аромат, хлеб и целый брусок настоящего масла, а чуть поодаль - душистый, сладкий отвар трав на чистой воде. Станный напиток, от которого на душе становится легко-легко - в запотевшем графинчике. А потом - домашний

мини-бассейн, наполненный горячей водой и ароматные жидкости для кожи. Но все это теряет всякий смысл, когда...

- Четвертый управления познания аналитик, младший реестратор Кан?

Перед затерявшимся в воспоминаниях молодым человеком стоял первый заместитель службы помощи Ор Вит.

- Так точно.

- Проходите к старшему лидеру. Следуйте за мной.

Кан отнес недопринятую пищу в утилизатор и, подтянувшись, отправился за охранителем.

В кабинете старшего лидера команды Кан бывал всего один раз в жизни - в торжественный момент вступления в ряды строителей Рая. Да и самого лидера он видел всего несколько раз... Откуда такая честь? Старший лидер Гит Шу был все тем же седоволосым крепким мужчиной с орлиным носом и надменным взглядом, что и три года назад. Он указал Кану на табурет и спросил, безо всякого приветствия по форме:

- Мне доложили, что рядовой реестратор Кан открыл жизненно необходимое для проекта Число Совершенства. Это так?

Голос Гита Шу был ужасно скрипучим и неприятным, но мудрое правительство никогда не допускает ошибок в должностях. И, тем не менее, в присутствии Старшего лидера Кан терялся.

- Понимаете... возможно... мне кажется, что я догадался...

Гит Шу побагровел и, стукнув кулаком по столу, брызжа слюной проорал:

- А мне кажется, что рядовой реестратор Кан скрывает имя того, кто создал для него эту глупую иллюзию! Отвечай, мальчишка, куда ты вчера исчез из Периметра?

Кан изумленно посмотрел на Старшего лидера:

- Прощения прошу, однако я никуда не исчезал. Впрочем, я имел странную галлюцинацию около девятнадцати часов вечера...

Кан пересказал все события, произошедшие накануне, включая странный сон.

- ...и сегодня по окончании службы я даже записался к штатному лекарю душ по этим причинам.

Старший лидер помолчал немного и, наконец, его черты лица немного смягчились:

- Ну что ж... переутомление налицо. Ошибка рядового реестратора Кана состояла в том, что сегодня утром он приступил к вычислениям, не доложив службе контроля о болезненном состоянии. Однако, хорошо то, что имеет хорошее завершение. Вы, по крайней мере, осознаете то, что это было галлюцинацией. На сегодня вы получаете оплаченный недопуск к вычислениям. Передайте компьютер службе контроля и отправляйтесь к лекарю. Выходных вам добрых, рядовой реестратор Кан.

- Доброй встречи в Раю, Старший.

- Скорой встречи, рядовой.

Как и следовало из указания, Кан сдал компьютер на консервацию до начала будней и покинул здание управления. Привычная процедура проверки документов, привычный маршрут к порту... И тут в голову Кана пришла страшная мысль: все это действительно могло быть обычным следствием психического расстройства, сном больного разума... но как же кусочек картона с надписью? А если это так, то по-всякому выходит, что только что он солгал Старшему. К тому же – Гит Шу начал выговор с того, что упомянул исчезновение за Периметр. А это уже не просто бред – это тяжкое преступление, зафиксированное в законе Незримого и карающееся полным низведением в ряды пролетариата. Если сумеешь выжить в страшнейшей из тюрем Терры, расположенной на огромном атомоходе среди ядовитого моря, конечно.

Второй уровень Кан прошел без особых проблем, несмотря на то, что тот охраняется наиболее сильно. Он знал, что арестовывать его придут прямо из камеры-жилища. Потому зайти в общественную уборную огромного торгового центра проблем для Кана не составило. Там, из кармана плаща была извлечена злосчастная карточка. Порвать и сжечь в утилизаторе! Уничтожить это глупое доказательство собственного позора перед мудрым правительством и идеей Рая! Плазменный автомат легко выплюнул патрон, расковыряв который, Кан получил щепоть сиреневого порошка, которым и посыпал картонку. Капля воды, вспышка и маленькое озеро огня поглотило улику, отправив ее в хаос. С облегченной душой, Кан вышел из уборной и двинулся к порту.

46)34 – 3 – 18-00... Наверное, плохим бы Кан был аналитиком, если бы цифры не были его страстью. Вот и сейчас, даже уничтожив картон, в его мозгу мелькал поток цифр и аналогий. Он пересек токсическое озеро и направился к пролетарскому кварталу, когда логика вывела простые значения данного кода: сорок шестой уровень плюс, квадрат 34 на пересечении третьей линии улиц в 18-00 кто-то назначил Кану встречу. И если бы ему предложили с первой попытки догадаться, кто – он бы не промахнулся.

3.

Порт был очень удивлен временем и адресом перехода Кана. После того, как он назвал координаты уровня, Центральная система долго анализировала маршрут, после чего вывела на линзу дисплея уведомление о том, что данный уровень находится у самой границы Периметра, принципиально не обитаем и функционирует только как местность, особо богатая радием. Кан принял данную информацию, но от перемещения не отказался. Порт перенес его в ближайшую точку – уровень тридцать один плюс и система рекомендовала воспользоваться траном или дирижаблем. Осмотрев зону прибытия (и пристрелив терриконового саблезубого кота), Кан решил, что дирижабль будет предпочтительнее по скорости, хоть и безбожно дороже. Ждать оставалось около двадцати минут, а потому он поторопился приобрести право перелета и занять свое место в дирижабле. Перелет в указанный сектор осуществлялся почти полтора часа, а потому на это

время Кан предпочел задремать. Почти сразу, после того, как вибрация древнего, угольно-гелиевого дирижабля, на взлете утихла, он откинулся на мягкую спинку кресла и тут же сонное видение захватило его разум...

...раннее утро зимы. Морозные узоры на стеклах и космы инея на проводах. Горячий, горький – но очень тонизирующий отвар коричневого порошка. Чуть заспанная, но от этого не менее милая девушка в розовом, пушистом халате режет хлеб, безмятежно смахивая крошки на пол, укладывает на ломти масло и сыр. И потом, после, перед странной дверью – поцелуй в щеку и рука, опускающая что-то в карман плаща...

..."Просьба пассажиров пристегнуть ремни и одеть наушники. Посадка в секторе 14 уровня 46 плюс через семь минут. Напоминаем, что нахождение на данном уровне без средств спец защиты опасно для жизни" – голос радиста вывел Кана из странного сна. Поправив на правом боку антирадиационный комплект и, герметизировав костюм, он приготовился к встрече.

Добраться до тридцать четвертого квадрата оказалось не так и просто.

Во-первых, счетчик радиации просто сходил с ума. Фон здесь действительно стоял просто противоречащий жизни человека. В который уже раз Кан мысленно выражал гордость перед пролетариями, работающими здесь, перед их Подвигом во имя Рая. Во-вторых же, флора, щедро разросшаяся на этих землях, была очень агрессивной: начиная от азалий, так и норовивших "выстрелить" своими ядовитыми иглами до псевдокленов, чья насквозь пропитанная радиацией корневая система атаквала все живое прямо из-под земли. Итогом того, что рядовой реестратор Кан попал в указанное место стали две опустошенные обоймы и опоздание на пятнадцать минут. Девушка, как ни в чем ни бывало, сидела на поваленном стволе акации и с любопытством разглядывала пейзаж. На ней была странного покроя куртка с широкими отворотами и ботинки на высоких каблуках. Она помахала Кану рукой и крикнула:

– Привет! А я знала, что ты быстро меня найдешь!

Она улыбалась настолько обезоруживающе, что Кан и сам, невольно, улыбнулся.

– Ну что, пойдём?

– Куда? – глуповато спросил Кан

– Ну, в мой мир.

С этими словами она извлекла шприц с золотистой жидкостью и вопросительно посмотрела в его, скрытые шлемом темные глаза. Он утвердительно кивнул в ответ.

Мир завертелся перед глазами Кана, превращая низ в верх, а стороны света попросту исчезли. И тут же исчезло само наваждение. В себя Кан пришел на заснеженной дороге. Судя по ощущениям – асфальтированной. Рядом, на скамейке сидела зеленоглазая девушка в короткой меховой куртке и такой же шапочке. В ее руках был предмет, похожий на раскрытую по горизонтали книгу. Она закрыла книгу и улыбнулась:

– Рада видеть тебя, Кан. Пойдем ко мне? Я ужин приготовила...

Кан молчал. Он смотрел на небо, усыпанное алмазами звезд. Россыпь Млечного пути, ковш Малой Медведицы и яркий сапфир Полярной звезды пробуждали в младшем реестраторе странное чувство тоски.

Девушка взяла его за руку и повела в сторону высокого панельного дома с большими, светящимися окнами. Кан шел рядом с нею и думал о том, какая же нежная кожа рук может быть у человека. У женщины...

Первым делом, она заставила его снять комбинезон и вымыть тело под горячей водой. Пока Кан, старательно соблюдая указания, мылся, она стояла в дверях и улыбалась. Она успела сменить свой наряд на пушистый розовый халат и домашние туфли и выглядела теперь еще милее. Потом был ужин в уютной, хоть и маленькой кухне под легкий флер незатейливой мелодии. Горячий отвар трав. Она молчала и улыбалась, а Кан с жаром рассказывал ей о Великой цели. О строительстве Рая. О своем мире, который, вскоре, преобразится в прекраснейший гигаполис, о чудесном изобретении паровых компьютеров, так облегчивших работу... Он замолк лишь тогда, когда девушка со странным именем Ирина взяла его высушенную радиацией руку в свои теплые, мягкие ладони и поднесла ее к губам. Странный, неведомый жар охватил тело Кана. Будто тысяча игл пронзила его тело с головы до пят. Миллион невидимых молний отозвалось сознание.

- У тебя есть допуск? - слабо сопротивляясь вожделению спросил Кан.

- Нет, - лишь покачала головой Ирина, - нам не нужны дурацкие разрешения на любовь. Ведь нас двое и сейчас мы - боги...

4.-1.

Около девяти утра Кан вышел из камеры и направился на службу. Голова болела после сна, как никогда. Завтрак не лез в глотку, а ржавая вода, очищенная антирадином, вызывала тошноту. В голове витали обрывки снов...

...теплая кухня. Он сидит напротив очаровательной девушки и пьет горячий настой трав. У нее просто невиданные глаза...

Сердце билось с ужасающей частотой. Пульс зашкаливал.

...теплые, нежные руки Ирочки, обнимающие его шею и пылающие жаром губы...

Кан тряхнул головой. Наркотическое опьянение пронизало его тело миллион сладостных искр, и от него нужно было избавиться. В руках Кан нес черный тубус, в котором лежали его последние отчеты.

...- Возьми меня в свой мир!

- Не стоит... он не для тебя.

- Мне нужен Большой папа. - четко сказал Кан, когда вытаращивший глаза патруль уже тянул с пояса плазменные арбалеты.

- Старшим лидером был дан приказ о немедленном аресте идентификационного номера УП-4-Р-147 дробь 5, К2. - отчеканил патрульный офицер. - Просьба следовать за нами в изоляционную камеру.

Кан улыбнулся и покачал головой.

- У меня важные агентурные сведения для Большого Папы. Ограничение снятия кода доступа: три единицы восемь один.

Офицер дал отмашку, арбалеты заняли свои места в широких чехлах. В глазах патрульных светилось определенное непонимание. Экстренный код доступа был известен только единицам, а рядовым патрульным и служащим он просто вшивался в сознание при кодировании.

- Прошу за мной. - все тем же холодным голосом сказал офицер и направился к отдельно стоящему лифту, ведущему в бункер. Кан набрал на клавиатуре код доступа и свой номер.

...Большой папа с улыбкой выслушал подробный отчет младшего реестратора Кана и одобрительно кивнул.

- Благодарю, сынок. Благодарю за службу. И еще - в обещанный отпуск идешь прямо сейчас. Отдохни, заслужил.

- Скорой встречи в Раю!

Спустя три часа после случившегося разговора, Кан обнаружил себя сидящим на титановой скамье в Парке увеселений. Голова болела так, как будто по ней проехался тран. С ужасом он понимал, что именно случилось. Слова из страшного кодекса крутились в его памяти, будто сам Античеловек надиктовывал их на валики машины звуковоспроизведения:

"Таковым надлежит незамедлительно быть уничтоженными при помощи любого подручного предмета, сходного по функциям с оружием". Глава "Периметр", часть одиннадцатая "Античеловеческие существа", подпункт сорок один "Нарушение законов Незримого". Механизм, с самого детства заложенный в подсознание каждого обитателя Терры - инстинкт уничтожения всего, что способно повредить созданию Рая. И тихим шепотом: "о случившемся - немедленно доложить максимально высокому руководству с получением награды". Кан в ужасе обхватил руками и взвыл. Он сам, своими руками убил существо, которое, впервые в жизни, было ему симпатично. Молча и безжалостно. А потом с холодным сердцем донес информацию о точке прорыва Периметра. Именно потому-то его и не арестовали сразу. Они прекрасно знали, что он сам исполнит приговор, вынесенный Незримым всем нарушителям. С ветки дерева, под которым сидел Кан, упала большая капля ртутного конденсата. Странное желание освободиться от всего озарило насквозь источенный логикой мозг. Легким движением головы он сбросил ее и, резко встав, улыбнулся. Порт перехода, на клавиатуре которого Кан отщелкал код 99)0-0-0 сообщил, что выбранного им уровня 99 минус не существует в системе координат портала. Порт не мог различить злого прищура глаз и ехидной усмешки на лице Кана, а потому, после введения ограничения снятия кода доступа просто почтительно зашипел синим энергоэкраном, сверкнул стандартной молнией и четвертый управления познания аналитик, младший реестратор Кан навечно растворился в энергополе Терры.

4.-2.

- Господин Президент, у нас проблема. Очень большая проблема.

Голос секретаря-референта дрожал, а это явно сообщало Президенту корпорации Акиро-С о том, что откладывать новости не стоит. Денис Стрельников уже пятый год руководил предприятием и знал своих подчиненных буквально наизусть.

Референт появился в кабинете не позже чем через пять минут после тревожного звонка.

- Денис Анатольевич, у нас прорыв Периметра.

- И что? - удивленно поднял бровь Президент.

- Ситуация сто!

Господин Стрельников презрительно сморщил лицо: ну куда ему, главе корпорации с многомиллионными прибылями знать все эти мелочи. Секретарь, поняв это по лицу Президента, поспешил исправить положение:

- Один из игроков прошел через Периметр и, следуя команде, совершил убийство. У Стрельникова ужасно заломило в висках.

- Кто? - только и смог спросить он.

- Ирина Волкова, киевлянка.

- Та самая, что ратовала за запрет Проекта, как социально опасной игры? - скривился Президент.

- Именно. Игрок УП-4-Р-147, предположительно нанес ей несколько ударов в живот столовым ножом, после чего поджег квартиру и ушел обратно в игру.

- Почему "предположительно"?

- Квартира сгорела дотла. По остаткам костей практически невозможно определить жертву, мы базируемся только на показаниях соседей и вещдоке - том самом ноже.

- Где его обнаружили и кто?

- Обнаружили мы, он валялся в снегу у подъезда. На рукояти - его отпечатки пальцев, а на лезвии остаточные следы венозной крови, идентичной с группой и резус-фактором убитой, взятой в ее медкарточке.

Президент немного облегченно вздохнул. Практически невозможно было обвинить в данном преступлении Проект, равно, как и одного из игроков.

- Значит так... - Стрельников побарабанил пальцами по столу - Вещественные доказательства - уничтожить. Игрока УП-4...как там его дальше - на полную промывку мозга. Все ясно?

Секретарь-референт замялся.

- Есть еще одна внештатная ситуация. Игрок УП-4-Р-147 исчез из игрового пространства.

- Это как? Это... это же невозможно! - глаза Президента метали молнии.

- Последнее место, где его видели, был переходник. Однако, тот код зоны перемещения, который он использовал, просто не существует.

- Стоп. Это как?

- Программисты просчитывают эту ошибку и с минуты на минуту сообщат свой вердикт.

- Литвинова ко мне! Быстро!

Начальник отдела кодига, Андрей Литвинов, только развел руками:

- Денис Анатольевич, мы имеем дело с необъяснимым феноменом: программа имеет очень четкую систему координат, к которой и привязаны все локации в игре. Программа анализа известных персонажу кодов просто физически не могла перенести игрока в локацию, которой в принципе не существует.

- Тогда, как вы объясните исчезновение игрока?? - заорал Стрельников, ища на столе нечто тяжелое, чем можно запустить в собеседника.

Литвинов второй раз пожал плечами:

- Согласно нашим данным, этот игрок просто самоуничтожился. Комбинация, использованная им, запускает в действие...гм...назовем это странной природы вирусом, который и стер его персонажа из системы.

Это объяснение немного успокоило Президента, и следующий вопрос он задал уже более уравновешено:

- Значит, система недостаточно защищена от случайного использования кодов?

Этот прецедент не может привести к читерству или не совсем честному прохождению игры?

- Вот это-то всех нас и настораживает. Шанс угадать этот код случайно равен семи миллиардам к одному...

- Ну, нет человека, нет и проблемы. Похороните тело, по возможности тихо. Работайте.

Президент корпорации нервно ходил по кабинету, прикуривая одну сигарету от другой. Никто из полутора миллиона существующих игроков и миллионов тех, кто является потенциальными покупателями игры "Проект Рай" не должен знать о том, что игровые боты, управляемые искусственным интеллектом, на самом деле - реальные люди, погруженные в кому. Реальные люди, чье сознание путем использования тяжелых наркотиков и зомбирования было перенесено в игровой мир. Люди, благодаря интеллекту которых "Проект Рай" становился чертовски сложной и интересной игрой. Каждый из них - одинок. Каждый из них лежит сейчас в своей квартире, соединенный с баком, в котором плещется питательный раствор, периодически обновляемый сотрудниками специального отдела.

И еще Президент не мог объяснить феномена, при котором изредка некоторых из его ботов люди встречали на улицах...

Звонок мобильного телефона отвлек Президента от мыслей:

- Алло?

- Денис Анатольевич, - голос секретаря-референта теперь не просто дрожал, а источал липкое масло панического страха. - Тело игрока УП-4-Р-147 исчезло.

- Как?? - вне себя завопил Стрельников

- Не знаю. Квартира пустая, оборудование отключено.

Президент корпорации Акиро-С побелел от ужаса.

5.

В вагоне СВ класса, фирменного поезда сидели двое – парень и девушка. Зеленоглазая блондинка держала своего собеседника за руку, которая невольно подрагивала.

– Скажи, Кан, все-таки, как тебе удалось расшифровать код экстренного доступа к блокиратору? – наконец оборвала молчание девушка.

Взгляд молодого человека немного потеплел, и на его бледном лице появилось некое подобие улыбки:

– Когда три года возишься с массивами цифр, решения с ними связанные, иногда, приходят сами собой.

– Скажи мне... только честно... тебе было страшно?

– Нет. Я, ведь, точно знал, что Число Совершенства – два. Пара. И Рай построить нельзя – его можно только достичь...

– ...вдвоем. – закончила за него девушка и засмеялась. Ее левая рука скрывала под бинтом порезанные накануне столовым ножом вены, а правая все еще легко отдавала бензином. Она смотрела в глаза человеку, который еще не до конца осознавал, что это именно она больше года работала над созданием вируса, ломающего приличную дыру в едва заметной брешу игровой системы. Что именно она, украдкой, проникала в квартиру, где в ванной лежал изможденный полутруп с катетерами в венах и кучей проводов, посылающих сигналы компьютера в мозг. Именно она колола ему стимуляторы и разбавляла питательный раствор веществами, активирующими нормальную работу сознания. Именно она, та самая Ирочка, которой программист Князев Андрей Николаевич (КАН) сделал три года назад предложение.

Он смотрел в окно, за которым пробегал однообразный зимний пейзаж и думал о том, что постиг Рай.

Она смотрела на него и думала о том, сколько еще предстоит сделать для того, чтобы Рай стал реальным.

А в большом кабинете многоэтажного здания, принадлежащего производителю компьютерных игр, корпорации Акиро-С, на ковре лежал некогда красивый молодой человек с простреленной навывлет головой. Человек, который мечтал быть Богом в Раю.

Placebo

Повесть о поколении глупого гламура

0. Pro Loh

("8 200" В. Гребенщиков)

Истинный воин живет в пустоте, осознавая каждое свое действие, как не имеющее смысла. Именно по этой причине его пустота наполнена высочайшим сенсом. Пустота для воина – это всего лишь аспект бытия. Дискурс сознания. Миниатюра мира...

Моя миниатюра начала создаваться в середине блаженных девяностых, когда кризисы жанра и девальвации личностей все чаще требовали жертв в виде постоянного подражания распиаренным идолам Запада. Мир интеллектуальной элиты сменялся идеологией коротко стриженного бычка в поддельном турецком бомбере. Как следствие этой самой метаморфозы, остатки того, что принято было называть интеллигенцией, остались за бортом корабля современности. К этим барахтающимся в пучине времени Nuovo относился и я, Антон Бородай. Так же как и прочие пловцы, я по дефолту получил звание "лох"... Как глиняная табличка в руках дерзкого вавилонянина, это звание делало нас париями в мире сверкающих понтов. Любовь сменилась заманчивым западным секс, честь покрылась пылью в запасниках музеев, а тургеневские барышни заливались водкой Kalinka и тусовались с реальными пацанами на дискотеках. Все это стало параллельным миром, в который тянуло каждого лоха, но суровые и неподкупные архангелы надежно стерегли его вход от непосвященных, пресекая попытки последних огненными клинками пиздюлей...

Мир красивых телок, без проблем делающих секс отторгал нас своими полнотой чувств, культом силы и наличием некоего сакрального знания, дающего право быть реальным. По крайней мере, я так считал до того момента, когда летней ночью один из апостолов нового мира понятий снизошел ко мне с беседой. Это произошло теплой субботней ночью, когда я сидел в темном парке и бессмысленно пялился на звезды.

- Слыш, поц, курить есть?

Вопрос был определенно адресован мне, а потому, задавший его, в силу своей нетрезвости, мог смело отрихтовать мои шщи в случае неправильного ответа. Впрочем, в зависимости от настроения оппонента, по морде я мог получить в любом случае...

Обреченно вспоминая технику вправления сломанного носа при помощи вязальной спицы, я достал пачку "Космоса" и протянул в сторону голоса. Тут же рядом со мной материализовался местный гопник, реальнейший среди реальных, по имени Череп. Он забрал сигареты себе, закурил, и, выпустив в ночь клуб дыма, сказал:

- Слыш, борода, тебе не надоело быть таким лошарой? Подстригись, бля, займись спортом, затуси, еба! Чо самому не стремно таким плугом жить?

- Вань, - робко ответил тогда я, - а что ты вкладываешь в понятие "не быть лохом"?

Он вытаращился на меня, как на полного дебила:

- Ну ты лошара! Секи: нормальным пацанам девки дают, мы толпой гудим, бухаем... Это ж круть!

Я смотрел в его водянистые глаза, залитые паленой польской водкой "Стопка", видел желтые прокуренные, выщербленные зубы и понимал: вся его крутость - не более чем бравада олигофрена перед лечащим врачом. И если в тот момент моя душа олицетворяла собой пустоту, то его душа была всего-лишь пустышкой. Бессмысленной и тупой...

1. Медиототека

("Человек из Кемерово" Б. Гребенщиков)

Абсолютный покой в отношении собственного статуса занял прочное место в моем сознании. Теперь, когда я окончательно утвердился в мнении, касаемо реальных пацанов, я перестал барахтаться в волнах океана жизни, перестал делать попытки влезть на борт корабля, а вместо этого лег на воду и поплыл по течению. Я продолжал учиться, по вечерам пить пиво в обществе произведений Ницше и Пелевина и наслаждаться музыкой, непонятной стаду. Вполне возможно, так оно бы и продолжилось, если бы в мою жизнь не пришел Интернет... О, именно он и помог мне полностью осознать роль Номо Лохус в мире. Он, как новый полковник Кольт, уравнивал шансы крутых парней и тех, кто теперь нашел себя в виртуале. Наши анкеты на знакомствах@mail.ru запестрили аватарами из голливудских топ-фейсов, темы на форумах потрясали остроумием и количеством комментов, а главное - мы выяснили, что делать секс с такой же девушкой, как ты сам, ничуть не хуже, нежели с звездой района Юлькой Профатиловой. Хотя, последнее нам доводилось пробовать только с результатом в виде ночной поллюции...

Жизнь продолжалась с новой силой. Счетчики трафика щелкали с огромной скоростью, но новое поколение I остановить было невозможно...

Прошло полгода. Лохи остались где-то в прошлом. Их место заняли битарды, которые неистово качали из сети аниме, общались в чатах и постили похабные картинки на 4чане, а я создал аккаунт в livejournal. И вместе с ростом количества друзей, я осознал, что самыми популярными постами становятся те, что являются абсолютным фейком. Вот тогда-то я и сел на верного коня. Я перестал размещать в сети тупые сообщения о своем настроении или достижениях в колледже. Перестал копипастить хентайные картинки. Завязал с выкладыванием собственных стишат. И, наконец, переименовал свой блог в "Медиототеку". Я начал писать о том, что является модным в этом сезоне, о музыке, под которую отрываются на Ибице и Гоа, излагать собственное видение различных трендов. Немного знания английского, поиск в yahoo по тегам "мода" и "тренд" - и лох

Антон стал тысячником с именем Барон Семеди. По имени гайянского божества кладбищ, юмора и секса. В медиатеке идиотизма я был модным парнем, трахающим модных моделей, пьющим исключительно черный ром и расслабляющимся ни где-нибудь, а в самом сердце lounge - Buddha bar. И уже через год, когда абитура начала приходить в колледж на прикиде, "рекомендованном Бароном", я понял, что моя звезда зажглась...

2. Идеал идиота

("Контрданс" Б. Гребенщиков)

From: beatle_gay_the

To: baron_samedy

Subj.: Екатеринославский бал

Уважаемый Барон! Мы с особым вниманием следим за Вашим блогом, что Вы благосклонно отметили, рецензируя наш журнал. В благодарность за пиар "Мегаполиса", мы хотим пригласить Вас на ежегодный бал, который пройдет 31 октября в Потемкинском дворце, в Днепропетровске.

С уважением, Аннет.

Данный меседж свалился в приватную почту моего блога ровно за неделю до предстоящего мероприятия. И разве мог я отказаться? Нет, теоретически, я должен был это сделать. Должен был сказать о том, что нынче в Милане неделя высокой моды, или там, сейшен ди-джея законодателя. Обязан был, но был один нюанс... Я слишком хорошо помнил изображенную над редакторской колонкой гламурного журнала "Мегаполис" девушку по имени Аннет. Невысокая блондинка с роскошными, ниже талии волосами, идеальными формами и небесно-голубыми глазами покорила мое сердце, как дивизия Waffen-SS - деревню Гаджукино. И, конечно же, я написал ей, чтобы она встречала меня в аэропорту Днепропетровска...

Ночной поезд "Красноград-Днепропетровск" выплюнул на платформу толпу людей, среди которых был высокий парень в джинсах, обработанных лезвием опасной бритвы, высоких ботинках вишневого цвета dr. Martens и черной куртке от Lacoste. Это и был я, покоритель звездной жизни и неутомимый трахальщик шикарных леди - Барон Семеди во плоти и крови. Последний скандал, который разгорелся после моего поста о том, что Михаил Воронин спер идею своей последней коллекции у Версаче, принес мне на "Визу" две тысячи гривен. Всего лишь за то, что продажи в бутиках Воронина выросли вдвое. Быдло любит Версаче, пусть даже и в исполнении Воронина. Благодаря этому, а также фензину

"Tiffozy" я смог одеться достаточно эксклюзивно (в то время о скинхедах мало кто слышал) и креативно а ля punk. Барон Семеди жевал сигару и планировал, как половчее добраться до аэропорта.

- Вай, дорогой, ехать будим? - таксист из Азербайджана смотрел на меня в упор пустым водянистым взором, а на заднем стекле его "девятки" был наклеен белый череп из оракала. Знаки были настолько же благоприятные, насколько благодушным было мое настроение после четырех литров пива в провонявшем грязными носками вагоне поезда, а потому я и решился на внеплановую аферу. В аэропорт я отправился на обычном маршрутном такси номер 109. Идиотская дорога, абсолютно тупящие пассажиры, обнюхивание каждого столба - все это приводило меня в абсолютное бешенство. Я, идеолог моды, популярнейший диджей и один из законодателей тренда был прикован к столбу своей лжи цепью из лжи и не мог ничего с этим поделать...

- Эй, киса, ты чо вечером делаешь? - мы ехали через поле пшеницы и мое созерцательное настроение было безнадежно испорчено. Через ряд от меня сидела девушка с клатчем в руках, к которой и цеплялись два подростка. К ее чести, она не удостоила их ответом, что еще больше раззадорило оффлайн-быдло:

- Не, ты не поняла? Я тебя спрашиваю! - малолетка явно был не в себе, и скорее всего, в его крови неплохим процентом присутствовали продукты брожения плюс каннабин. В этот момент меня озарило воспоминание о том самом вечернем разговоре с Черепом... "В большой массе эти люди - пустышки" - вспомнил я, одевая маску эдакого супермена, и потрепал малолетку по плечу.

- Слышишь, ты, казанова сельского пошиба, не видишь, что девочка с тобой дружить не хочет? А ну-ка, отчислись, гнида!

Гопник повернулся ко мне, ощерив пасть:

- А ты кто такой смелый?

Пассажиры маршрутки сидели втянув языки туда, куда солнышко обычно не проникает, а потому надежда была только на себя...

- Я, быдло картавое, скинхед. Фашист. А щас мы выйдем, и я закончу то, что Адольф не закончил с твоим дедом в Освенциме! Порешу, сученок еврейский!

В довершение образа я ослабил свою самую человеколюбивую ухмылку.

Результат потряс, в первую очередь, меня самого: гопник как-то сник, а потом как-то пискляво выкрикнул:

- Остановите здесь!

Когда он и его кореш высказывали, я услышал стандартное:

- Я тебя найду еще!

Памятуя закон Штирлица о том, что последнее слово должно быть за главным героем, а также, воодушеваясь неожиданным успехом, я брякнул:

- Ищи-ищи! Меня зовут Барон!

Дверь захлопнулась и микроавтобус покатило дальше. Спустя несколько секунд я услышал две реплики. После первой мне захотелось отрихтовать щщи "храбрецу", а после второй - себе.

- Развелось фашни, блядь! На простых ребят наезжают...

- Барон Семеди? Так вы же должны были прилететь только через час...

Вторая реплика была произнесена девушкой с переднего сиденья...

- Я...это...чартер...немного раньше...

Никогда Барон Семеди не был так близко к провалу! Однако, взяв себя в руки, я перестал мямлить и, напустив на себя сложносочиненный вид, строго сказал:

- Впрочем, мои перемещения в пространстве касаются только меня. А вы, вероятно, секретарь? Анна не смогла приехать?

Девушка как-то сникла и тихо сказала:

- Анна это я...

Образ прекрасной дамы испарялся на глазах. Только сейчас я рассмотрел ее полностью. Высокая шатенка, с длинными, ниже плеч волосами, грудью второго размера, невыразительными карими глазами, она была одета в белую футболку без опознавательных знаков и голубые джинсы. Где же ты, прекрасная блондинка Аннет, ангел во плоти, покоривший мое воображение похлеще самого забористого порно Пьера Вудмана?

- Очень приятно, - фыркнул я.

Наконец, мы вышли из душного салона. Аэропорт Днепропетровска не впечатлял, являя собой нечто в стиле постсоветского ампира. Хотя, какое теперь это имело значение?

- Итак, раз уж мы встретились раньше положенного, может, познакомимся, Анна Кисс?

Мы посмотрели друг другу в глаза и неожиданно расхохотались.

- Инна Гупало.

- Антон Бородай.

Когда второй приступ истерического хохота прошел, моя, теперь уже очная знакомая предложила:

- Может ты голоден и хочешь принять душ? Можем поехать ко мне. Не Лондонская мансарда, конечно...

- Ну и уж не миланская вилла точно. Но разве это играет какую-то роль?

Таким образом я и познакомился с моей будущей подельницей, о чем она до сих пор, видимо, не подозревает...

3. Праздник кошелька

("Пока несут сакэ" В. Гребенщиков)

Жареная картошка с салатом по-валлийски (картошка жарится с помидорами, сыром и яйцом, а все овощи, найденные в холодильнике, мелко нарезаются и солятся), пиво и контрастный душ снова вернули мне уверенность в собственных силах. К тому же, в моей голове уже зрел один дерзкий, но безумно гениальный план...

- Скажи, Иннулька, а как вообще будет проходить этот бал?

Инна-Анна выпустила тонкую табачного дыма и ответила:

- Да все просто. Сперва посмотрим "культурную программу", потом - награждение всяких деятелей. Ну и фуршет, конечно.

- Отлично. Кстати, мне кажется, пора выходить - седьмой час все-таки.

- Ой, действительно! Погоди, сейчас оденусь...

А, разве, я не сказал вам, что когда Инна ушла в душ, она забыла закрыть дверь? И, конечно же, я не смог отказать себе в небольшом адьюльтере. Кстати, целуется Инночка просто божественно...

Такси подвезло нас как раз к той стадии начала сейшена, когда публика еще не разогрелась шампанским до нужной стадии, но режиссер уже начал напрягаться по поводу отсутствующей ведущей. Последним оказался весьма педишной наружности вьюнош:

- Аннет! Где вы пропали?

- Сорри, малыш, встречала гостя. Знакомься: Барон Семеди.

Манерное лицо вьюноша немного перекошило. Перед ним стоял известный критик, законодатель тренда...в паленых джинсах...

- Э...

Я протянул ему руку.

- Антон.

- Аааалексей...

- Просто охуеть можно как приятно, Леха! - я снова входил в образ, - А какой кретин тебя надоумил одеть лакированные туфли? Это же полный аццтой!

С этими словами я круто развернулся и прошел к столику с табличкой "Б. Семеди".

Программа шла своим чередом до тех пор, пока очаровательная (а что, раньше я говорил что-то другое?) Инночка-Аннет не произнесла:

- А теперь мы хотим представить Вам нашего почетного гостя, популярного блогера и настоящего ценителя прекрасного, Барона Семеди!

Зал взорвался овацией. Звездный час пробил, и я, тщательно копируя манеру Паши "Снежка", поднялся на сцену. О, господа, впервой ли мне было кривить душой? Отнюдь. Скажу по секрету, это примерно те же ощущения, что при выкладывании в сеть очередной эпистолярки на тему торчащих из-под джинсов трусиков...

- Буэнос ночес, амигос! - начал я, преувеличенно пафосным тоном, - Я вижу среди вас тех, кто абсолютно искренне чувствует мир и при этом не желает оставаться в стороне. Я хочу передать вам поистине великие слова моего друга, господина Новикова: "Скажи мне, где тебя можно найти, и я скажу кто ты...". Сегодня я вижу истинный цвет общества, не побоюсь сказать - элиту оного, в этом дворце. Но скажите, разве один визит в году в модное место решает? Ни в коем случае! Я хочу сказать, что мое сердце, ощущавшее тепло Buddha bar и драйв Batcave'a все равно принадлежит Украине. И я хочу сделать все, чтобы

каждый из вас ежедневно мог посещать настоящую модную тусовку. Двадцать четыре часа семь дней в неделю. Я обойду все рестораны и клубы Днепропетровска и отдам свой голос лучшему! Я буду писать о них для вас, и пусть халдеи напрягаются! Слуги должны быть народными! Откровенно говоря, я даже не представлял, к чему приведет вся эта ахинея... Не успели стихнуть аплодисменты, а я - выпить двести грамм виски, ко мне подбежала сексапильная куколка со значком "national television".

- Простите, всего пара вопросов!

Инночки на горизонте не наблюдалось, а потому я благосклонно кивнул. Камера ослепила меня своей "фарой", а нимфетка-журналист затарахтела:

- Какой из ресторанов вы посетите первым?

Я вальяжно затянулся сигаретой и, как подобает звезде, ответил:

- Тот, который изберет моя спутница, Аннет Кисс. Но пусть его название будет в секрете до тех пор, пока я не посету его.

- Госпожа Кисс? Редактор Мегалолиса" и колумнист? Охарактеризуйте ваши отношения!

- Она моя любовница. И скажу откровенно, она талантлива не только в журналистике.

- Барон, Вы женаты?

- Ни в коем случае!

- То есть, Вы - свободная партия?

- Увы. Аннет и "Мегалолис" - это девяносто процентов моего сердца.

- Вы уже сделали ей предложение?

- Сходите нахуй и на нем умрите.

- У Вас есть соображения по поводу открытия своего лейбла в Днепропетровске? А вот тут я "завис". Канары? Мальдивы? Да весь мир сейчас лежал у ног Антона Бородая!! Афера с "пожрать на халяву" в крутейших кабаках города просто отходила на...даже не на второй, а как минимум на десятый план!

- Без комментариев, девочка. Достаточно. Я устал.

- Но...

- Милая, ты слово "хуй" знаешь? Сходи на него. И попробуй только перевернуть интервью. Ноги оторву и в жопу засуну...

Вам, наверняка, кажется непонятным, откуда столько апломба может быть у двадцатичетырехлетнего паренька, обитающего в большом городе чуть менее суток. И это логично, хотя для пояснения можно смело писать отдельный трактат. Самое главное - это доза алкоголя и мифическая Москва, дальше которой отступить невозможно. Лгать же не сложно. Этому с легкостью учит Интернет...

Торжественная часть закончилась и богема немедленно приступила к поглощению всего того, что находилось на фуршетном столе. Уставшая, но довольная Иннулька подошла ко мне:

- Это твое заявление означает то, что какое-то время ты поживешь у меня?

- Теоретически, я думал о том, что жить буду в "Санрайзе"... - я достаточно похабно провел кончиком языка по верхней губе, - Однако, разве я могу лишиться себя перспективы провести время с красавицей, не напрягаясь обща...гостиничными стенами?

Зардевшаяся Инна-Аннет упорхнула охуевать от себя собственной персоной, а я спер с соседнего столика добрые полбутылки коньяку, когда рядом со мной нарисовалась неподдающаяся цивилизованному описанию репа чудовищных габаритов.

- Здравствуйте...ээээ...князь...ээээ...

- Не князь, в смысле титула, Барон в смысле имени - прошу заметить.

- Да-да! Именно о вас и говорили мне.

- А можно без экивоков?

- Меня зовут Альберт Мугинштейн. Я владелец ряда ресторанов и ни в коем случае не хотел бы...ну, вы понимаете, я-то как раз хотел...

Эта огромная махина, деньги из которой так и перли заискивала предо мной!!

Это была победа интернет-фриков над системой!!

- Господин Альберт, я устал. Чего вы хотите конкретно?

Собеседник стер белым платком пот с багрового лба и выдал:

- Долю в вашем ресторане!

Дождь из купюр различного достоинства обещал быть поистине сильным и затяжным...

4. Мейнстейдж

("Не пей вина, Гертруда" Б. Гребенщиков)

Саунд неизвестного и, впрочем, совершенно неинтересного диджея резал уши отвратительным сведением типа модных хитов. Что совершенно, к слову, не мешало нам с Инночкой наслаждаться ужином, сопровождаемым настоящим "Кристаллом"...

- Скажи, ты правда готов взять этого Альберта в долю? - моя подруга никак не хотела понимать, что мой кошелек пуст, как попытка развести на анальный секс кришнаитку.

- О, не только его, зая! - я бросил на нее несколько укоризненный взгляд из-под солнцезащитных очков, выдаваемых мною за эксклюзив RayBan, - Неужели ты думаешь, что я могу забыть о тебе? Noneу, этот ресторан я хочу подарить тебе. Чтобы такая звездочка, как ты могла чувствовать себя по максимуму trendy!

- Праааавдаааа?

- Конечно, darling!

- А что мне нужно будет делать? - ее восторг был просто непередаваем. Таким, что я мог не сомневаться - меня сегодня ждут самые разнообразные сюрпризы. В постели, естественно.

- А...

- Альберт всего лишь будет иметь небольшую долю прибыли. Впрочем, я уверен в том, что и ее хватит для утоления его аппетита.

- Но ты попросил у него три миллиона евро! Разве он сможет окупить их быстро?

- Милая, мне кажется, что ты сомневаешься во мне и моих способностях.

- Прости...

Однако, самолюбование следовало бы довести до конца, а потому я продолжил разыгрывать оскорбленного суперстар:

- Неужели мое имя недостаточный гарант того, что весь цвет общества будет отныне посещать только мое заведение? Детка, ты только что убила меня! Ты стреляешь навскидку, зая!

- Милый...

- Ладно, проехали. Просто помни, что ты имеешь дело с лучшим.

- Конечно-конечно...

Отлично. Два зайца убиты наповал и освежены. Теперь моя "зая" выполнит все мои требования, касаясь ресторана, но и не будет вспоминать о колье, на которое она ненавязчиво намекала мне уже второй день... Проводив Инессу и сославшись на дела катастрофической важности, я собирался провести вечер в совершенно другом месте. Где-нибудь, где мне хватит ста пятидесяти гривен на нормальное пиво и непретенциозных барышень. По секрету говоря, иногда, все-таки, стоит быть собой...

- Господин Барон?

Вот только моего "партнера" здесь и не хватало! Однако, уже завтра на моем счету должны были оказаться три миллиона евро, отстегнутых недогнувшей рукой Мугинштейна настолько щедро, что я даже пожалел, что не попросил больше...

- О, партнер, приветствую!

- Антон, у меня есть некоторые сомнения...

Я удивленно вздернул брови.

- Понимаете, Антон, я ресторатор со стажем, и точно могу сказать, что три миллиона - это обычно та сумма, на которую организовывается ивент в честь открытия.... И к тому же за две недели вы еще ничего не сделали! Я, как партнер, считаю, что это просто несерьезно. Я вкладываю деньги, кормлю вас... Разве я не вправе посмотреть хотя бы на помещение...

Я сочинил холодное лицо, медленно снял очки, и, скомкав салфетку, нарочито медленно произнес:

- Господин Мугинштейн сомневается в нашем партнерстве... Отлично. Тогда я разрываю наш договор. Все счета, которые вы уплатили за нас, прошу представить через пять дней в ресторан "Пивная НКВД" - вы получите наличный расчет или расчет натурой. Как предпочтете. Это раз...

- Через пять дней? - глаза еврея полезли на лоб.

- Да, мой ресторан открывается в субботу. При чем, заметьте, ваши жалкие крохи отнюдь не являются основополагающими для дела. Это два. И еще... - я круто развернулся на каблуках и процедил: - VIP столик я для вас забронирую for free. Вы сможете лично насладиться триумфом настоящего ресторатора. Всего, зайка.

- Э-э-э-э....Ан... Барон! Вы меня вовсе неправильно поняли! - Альберт Мугинштейн семенил за мной, как побитая собака за хозяином, - Я всецело готов продолжать сотрудничество! Просто мне хотелось бы хоть как-то принять участие, так сказать...дизайн там, меню...

- Дизайн? Меню? - буквально за секунду я, как и было отточено многочисленными репетициями, просто преобразился в эдакого гомосексуального душку, - Господин Мугинштейн, что вы видите вокруг?

Я обвел руками зал.

- Ну...мой ресторан...

- То бишь, вы считаете, что это убожество для малиновых пиджаков - ресторан? Скажите, кто разработал для вас этот дизайн? Кто надоумил вас назвать его Grand Opera? Нет! Молчите! Я слишком уважаю вас, Альберт! Вы бизнесмен высокого класса! Но скажите, сколько вам принес этот ресторан в день премьеры?

- Сто тысяч...

- А мой принесет не менее пяти миллионов. Чувствуете разницу? А ваши десять процентов от прибыли в первый день вы просчитать можете?

Тяжелая артиллерия нанесла сокрушительный удар не оставив камня на камне от сомнений "партнера"...

- Барон, не горячитесь, прошу вас! Давайте пройдем в мой кабинет и обсудим пару вопросов. Утолите любопытство старика, прошу вас!

Через десять минут я, развалившись в кожаном кресле, пил "Наполеон" и отвечал на вопросы Мугинштейна.

- Самое главное в ресторане - это мейнстейдж. Тот самый, который привлекает публику. Ваш мейнстейдж - это дешевый пафос и псевдогламур. Я сделаю поистине аутентичное место. Ресторан, в котором люди будут мечтать оставить деньги. Где покой бизнесмена не потревожит ни одна шлюха. Где человек с деньгами сможет отдыхать, и ни одна женщина не сможет заподозрить его в блудстве. В вашем ресторане основной доход приносит ви ай пи зона. В моем же весь мейнстейдж будет золотым дном!

- Но как добиться этого?

- Во-первых, в моем ресторане будут работать повара, которые умеют готовить на совесть. Никаких "ресторанных" порций! Никаких ебливых официанточек - только профи, не нуждающиеся в чаевых!

И главное - неповторимый дух свободы... Понимаете меня, darling?

Мейнстейдж приносящий вам ежедневно 10%...

5. Total score

("Из

сияющей пустоты" В. Гребенщиков)

До официального открытия ресторана "Пивная НКВД" оставалось два часа. И четыре часа до посадки моего самолета в аэропорту "Лайонсгейт". И семь часов суммарно до того времени, как я окажусь на Гаити, где мои оставшиеся полтора миллиона евро превратятся в немеренное состояние... Да, я заблаговременно подготовил билет на самолет, визы и все прочее-необходимое. Я сидел в бизнес-классе и понимал, что к тому времени, когда моя афера будет раскрыта, я уже буду жить в маленьком бунгало в двадцати километрах от Порт-о-Пренса, и найти меня будет крайне затруднительно. Основная часть моих денег лежала в одном из кубинских банков, гарантируя мне совершенно безбедную жизнь даже при минимальном проценте. Пусть и Мугинштейн и его бандиты и Интерпол обследуют вдоль и поперек все Гавайи, США, Мальдивы и прочие Австралии - меня там не будет никогда. Пусть ищут деньги во Франции и Швейцарии, а также в любой из оффшорных зон - у них никогда не хватит фантазии заглянуть в захолустье! Я отпил немного виски и почему-то вспомнил свой первый секс с Инной, развод Мугинштейна, свою подготовку...

Согласитесь, идея подобной аферы могла прийти только в мою голову!

Я, всего за сто тысяч евро приобрел у какого-то цыганского дельца забегаловку неподалеку от центрального проспекта Днепропетровска и... Впрочем, по порядку. Я не солгал Альберту ни разу. Просто в первый же день моего (50%), Мугинштейна (10%) и девушки с типичной фамилией Гупало (40%) владения убогой "наливайкой" для нищелюбов, я собрал персонал и произнес следующее:

- Женщины! Сегодня вы присутствуете в судьбоносном для вас месте в нужное время! Я сделаю из вашего кабака самое посещаемое место города. Вам нужно будет делать все то же самое - готовить, обслуживать клиентов и поддерживать это место в идеальной чистоте. Ну и, конечно же, получать зарплату, достойную вашего честного труда. Правил три: не воровать, трудиться на совесть и уважать меня. А чтобы вы прониклись своим обновленным местом работы, сегодня вы получите свою первую премию. Теперь, давайте познакомимся...

После вялой процедуры представления коллектива, я действительно выдал всем премию... Как вы думаете, тетя Маша, здоровенная бабища-повар, или Ира-официант получали когда-нибудь больше тысячи гривен в месяц? А сегодня каждая из них, абсолютно ни за что получила две тысячи. Разумеется, евро... Еще день мы убили с той самой тетей Машей на то, чтобы заполнить до отказа небольшую кладовую продуктами всяческой первой необходимости - пельменями,

сосисками, макаронами и различными полуфабрикатами. Мы закупили пять кегов пива разных сортов, десять ящиков водки, шампанское, вина и прочие напитки. Клининговая служба, под чутким руководством дочери тети Маши и официантки в одном лице, пидорасила заведение изнутри и снаружи. Небольшая полиграфическая фирма "выпекала" со скоростью супермена элементы декора на оракале...

Спустя четыре дня "Пивная НКВД" была готова к приему гостей...

Стоит ли говорить, что на протяжении всего срока работ я торчал в Сети, рассылая спам, релизы и пиаря в своем ЖЖ новый ресторан?

Каждая из моих сотрудниц получила шикарную форму и обещание каждой заработной платы в размере 1 процента в день. Для музыкального сопровождения я заготовил музыкальный автомат и нищую скрипачку, которая должна была играть ровно сутки в день открытия. Рабский труд? Три тысячи евро - и она была готова на все, включая групповуху с пятью неграми, не прерывая игры...

Итак, меню были отпечатаны, посуда закуплена, скрипачка Нелли услаждала мой слух "Штормом", мои девочки были проинструктированы и сверкали, как серебряный доллар, а я торопился в аэропорт...

Инночка летала по городу, персонально разнося приглашения, потрясая гламурное быдло своим новым колье за пятнадцать тысяч. Мугинштейн сторал от нетерпения, ибо Инна персонально должна была провести его к новому заведению, чтобы тот мог перерезать алую ленту...

- I'm sorry, mister, you are Baron Samedy? Anton Boroday?

Двое ментов британского разлива воцарились перед моим столиком в баре аэропорта, где я дожидался своего рейса...

Меня попросили следовать за ними, поскольку мою персону желает видеть капитан полиции Лондона, внезапно осведомленный о моем визите. Это был крах всех надежд. Отсидеть в тюрьме? Ерунда. Гораздо хуже было то, что три миллиона нужно будет возвращать Мугинштейну... А уж его жлобы, я уверен, умеют выбивать деньги из должников!

В достаточно респектабельном кабинете начальника аэропорта меня ждал капитан полиции Лондона и переводчик.

- Вы, наверное, устали во время перелета? - участливо поинтересовался начальник, - Может вы хотите выпить?

Я не отказался, и уже через минуту передо мной стоял бокал виски. Я недоумевающе вытаращился на присутствующих, а капитан, представившийся Джорджем Пристом, торжественно заявил:

- С нами связалась госпожа Хуппалоу...

- Гупало.. - обреченно поправил я

- Да, простите, именно Гупалоу. Она убедительно просила вас связаться с ней. Чем скорее - тем лучше. Однако, прежде чем передать вам ее телефонограмму, а

также от господина Мугунштейн, позвольте от лица королевы Великобритании поздравить вас с тем небывалым успехом, которого вы добились в своей отрасли! "Все пропало, шеф!" – вспомнилась мне цитата из Капитана Врунгеля, когда на стол передо мной положили лист мелованной бумаги содержащий следующий текст: "Антош, пельмени заканчиваются! Что делать? Инна.

"Барон, вы гений! Всего семь часов работы ресторана – а два с половиной миллиона уже в кассе! Альберт Мугинштейн".

К стыду своему, я запрыгал по комнате, как беременная самка дикого тушкана. Это был триумф!

6. Epi[c] Loh

("Русская нирвана" Б. Гребенщиков)

– Это и есть ваша история успеха, господин Семеди?

– Да. Благодаря сети ресторанов Суббота я и живу сейчас в Цюрихе с любимой женой и состоянием в четыре миллиарда евро.

– Ваши рестораны популярны во всем мире. Скажите, неужели вы действительно не подозревали о том, что станете настолько известным законодателем ресторанного бизнеса?

– Идите нахер. Я устал.

– Последний вопрос! Ваша жена, Инна, до сих пор владеет 40 процентами бизнеса?

– Инна? Моя жена? Не смешите! Ирочка!

...

Да, я женился на дочери тети Маши. Невысокого роста девушке, обладательнице небесно-голубых глаз и длинных, белых волос ниже попы. Инна же сошлась с евреем Мугинштейном, который искренне верил в то, что она знает секрет моего успеха. Секрет, до которого никогда не дойдет ни одна "пустышка". Секрет, который мои коллеги-медики именуют "эффект плацебо"...

Лучший Друг

0.

В те дни, когда Они молчали, молчал и он... Они становились манекенами, что горели жизнью не более него. Кроме того, они были одиноки...

1.

Очередной вечер зажигал огни на арене городского цирка, очередной посетитель со своей напомаженной женой проникал в святилище Бога Смеха. И бог улыбался ему сквозь мертвенную бледность грима, что становилась невыносимой при близком рассмотрении. Зычный голос слегка выпившего конферансье будил

призраков огромного зала, что, зачастую, напоминал ночному сторожу анатомический театр. Разноцветными пятнами крови леди Кентервиль вспыхивали прожектора, выхватывая вурдалачьи лица тех, кто субботним вечером явились на свалку самоубийц, мучеников-мазохистов и прочей нечисти. Пройдет не более полуминуты, и нестерпимо белая манишка конференсье ослепит и без того подслеповатые глаза, а голос провозгласит:

- Внимание! Только сегодня и только сейчас, на ваших глазах...

2.

- Ну что, Маша, сколько нам еще до выхода?, - спросил седой, уставший клоун у своей подруги, что стояла около него справа. Она не ответила. Впрочем, она никогда не отвечала на его вопросы, за что он ее и любил. Вот и сейчас она молчала... Молодая, стройная, всегда чистая, одетая в до блеска начищенную одежду, она не уставала поражать воображение старика клоуна. Самым главным для нее было то время, когда, отработав положенное унижение на арене, он прикасался к ее телу своими чувственными пальцами, оглаживал ее шею, приближал свое лицо, щекоча ее длинными, густыми ресницами... Пальцы другой его руки в это время опускались все ниже и ниже, приспуская книзу легко декольтированный верх ее платья, спустя секунду возвращая его на место... В тот момент, когда он дотрагивался до ее самого чувствительного места, она просто взрывалась.

Нет, на самом деле, даже страсть ее была тихой. Такой уж ее сделали ее родители...

Дверь в гримерку приоткрылась, и в комнатку уединения клоуна заглянула женщина:

- Пятиминутная готовность!!!

Маша недовольно (и даже несколько ревниво) посмотрела вслед женщине. Клоун заметил ее движение, и одним неуловимым движением прижал ее к своему плечу. Добрыми, но слегка усталыми глазами он посмотрел в ее глаза, прошептал:

- Ты - моя единственная подруга.

И это было лучшим комплиментом в его устах. И она это знала.

3.

Партер и галерка взорвались аплодисментами. Они уже не раз видели этого «рыжего», и прекрасно знали, что он не подведет их ожиданий.

Выйти. Споткнуться о о лежащий на пути разноцветный мяч. Упасть. В падении сделать сальто. Приземлиться на обе ноги. Реверанс. Так было всегда, но не сегодня. Сегодня из одного кресла VIP ряда раздался довольный бас:

- О, смотри, Ленка, ща рыжий ка-а-ак хряснется!

Клоун обернулся, на мгновение задержавшись на месте, но и этого мгновения хватило, чтобы не подогнуть ноги в коленях и оттолкнуться от земли. Клоун упал на опилки арены.

Голос принадлежал толстомордому сыну хозяина казино «Блер» (улыбки и пиво игрокам - бесплатно). Тому самому, который сейчас заливался противным смехом, толкая свою подругу в бок:

- У-ха-ха! Вот это облом!!! Что ж ты, облажался? Что, придурок, ножку вывихнул?

Сжав до боли челюсти, клоун встал на ноги и в четком слаженном ритме отработал программу.

Прыжок. Перехватить трапецию. Два раза раскачаться. Прыжок. Уцепиться в седло пони. Съехать под брюхо. Два круга эквилибра. Оттолкнуться. Сальто. Стать на ноги Писклявым голосом :«Пля-я-я-яхая коняжка». Поклониться. Занавес.

2.

Старый клоун сидел на опилках арены, на его глазах блестели слезы, промывая глубокую борозду в гриме. Спустя годы репетиций он позволил себе...

- Дядя клоун, не плачь! Дядька больше не обидит тебя. Я папе расскажу, и он его никогда не пустит! Хочешь леденец?

Клоун обернулся. Перед ним стояла кроха лет пяти от роду протягивая конфетку на палочке, которую только что ела сама в ожидании папы, который в это время закрывал цирк, гасил прожектора. Слезы вмиг высохли на его старых глазах. Проворно вскочив на ноги, он выхватил из рук ребенка конфетку. Губки девочки обиженно надулись, а глаза были готовы расплакаться... Вместо этого она вдруг радостно захлопала в ладоши, потому что ее леденец оказался балансирующим на носу клоуна. Сам же клоун плясал, кривлялся, а под конец репризы подхватил заливающуюся смехом девочку на руки, проведя несколько па танго. В следующую минуту, под светом последнего, ярко-красного прожектора, девочка обняла старика за шею и поцеловала в щеку...

1.

- Ну что, милая, пойдём?

Спросил высокий пожилой человек свою подругу. Та молча положила руку ему на плечо и они вышли из цирка. В первом же кабаке с липкими скамьями и грязными скатертями он опрокинул стакан водки, запив его бокалом пива.

- Эй, Клепа, покажи нам что-нибудь! - громко попросила его одна из завсегдатаев, весьма «подшофе». Вдруг глаза ее округлились глядя куда-то вниз

- Это что за клоп?

Тут же раздался знакомый голос конферансье Степы:

- Анка, вредина, ты что опять хулиганишь?

Он обращался к своей дочери, которая колотила малюсеньким кулачком посетительницу кабака, сквозь слезы было слышно:

- Не обижай дядю! Он не Клепа! Он ХОРОШИЙ!!!

Пожилой клоун молча поднял ее на руки, поглядел в ее глаза и совершенно серьезно сказал:

- Большое спасибо, кроха! Ты - НАСТОЯЩИЙ друг!

Только подруга клоуна могла в полной мере оценить этот комплимент...

0.

Из кабака они вышли вдвоем. Долго гулять сегодня не хотелось, а поэтому они пошли домой. Вдруг клоун настороженно остановился. Пьяные голоса приближались. Маша это слышала. Боже! Как давно она ждала этого мгновения! С прошлой субботы... Он прикоснулся к ее телу своими чувственными пальцами, левой рукой погладил ее шею, приблизил свое лицо, щекоча ее длинными, густыми ресницами... Заглянул ей в глаза... В его взгляде отразился правый, багровый глаз толстомордого сына хозяина казино «Блер» (улыбки и пиво игрокам - бесплатно). Тому самому, который сейчас заливался противным смехом, толкая свою подругу в бок:

- Ну как я, а? Как я его, Ленка? А он меня...

Пальцы правой руки клоуна в это время опускались все ниже и ниже, приспуская книзу легко декольтированный верх ее платья, спустя секунду возвращая его на место...

Последние моменты наслаждения... Она покрепче прижалась к его плечу...

...крики людей: «Помогите! Убили» и вой машин «Скорой помощи» привели их в чувство, и клоун с подругой скрылись в двери подъезда. Последнее, что помнила перед волной захлестнувшего ее оргазма она – это его слова:

– Да, кроха, ты права! Больше нас НИКТО не обидит.

Сейчас подруга не ревновала его. Даже в чем-то понимала. Ровно настолько, насколько может понять человека НАСТОЯЩИЙ друг... Даже, если он всего-лишь винтовка М-16...

Разбитое сердце куклы

Нас любят все – от мала до велика. Начиная с самого момента рождения, когда мы помогаем познавать мир ребенку и, заканчивая старостью, когда пожилая женщина замыкает цикл, расшивая бисером платьице куколки своей маленькой внучки – мы зримо присутствуем в жизни людей. Одни из нас предпочитают звать их Хозяевами. Другие – Родителями. Третьи – Тиранами. И только одно название остается постоянным. Наше название. Куклы. И это только лишь иллюзия, что наше сердце холодно и не способно чувствовать. Мы живы гораздо более ярко, нежели человеческое существование. Мы умеем любить так же, как соловей любит рассвет. Умеем грустить, как ласточка об уходящем лете... Но мы умеем и ненавидеть. Думаете, напрасно самые страшные проклятия посылаются при помощи кукол? Мы не умеем лгать и именно поэтому наши чувства настолько обострены, что дадут фору любому ощущению поэта...

Кукольник жил в маленьком флигеле, который ему любезно сдала в аренду пожилая госпожа Кира Дмитриевна в знак признательности за чудесным образом сделанную игрушку на свадьбу внучки Вероники. Он сделал ее всего за одну ночь из сверкающего, как слеза девственницы на солнце, фарфора. Ее нежно зеленые глаза были подернуты легкой, мечтательной поволокой, а изящное тело, казалось, воплощало самые изысканные представления о совершенстве. Он легкой краской очертил ее румянец, тончайшим карандашом придал губкам объем, достойный небесной феи. Ее платье, искусно сшитое из тончайшего, воздушного шелка, было украшено стразами и фианитами, вызвало не один печальный вздох модниц – аналог в мире не мог предоставить ни один бутик... Теперь эта кукла уже пятый год стояла на самом видном месте дома Вероники и Олега и, казалось, была настоящим ангелом-хранителем их семьи. Благодаря своему мастерству Кукольник и получил право за совершенно символическую плату жить в доме Киры Дмитриевны, скрашивая ее одинокую старость своим обществом и дивными поделками. Ежевечерне Кукольник входил в ярко освещенную столовую, где по традиции они со старушкой пили чай. Киру Дмитриевну всегда вводило в смущение то, что обладая яркой внешностью, манерами, достойными высшего света, Кукольник до сих пор был один. Подруг, (впрочем, как и друзей), у него не водилось. Никогда еще старушка не была разбужена звуками случайной страсти, доносящимися из флигеля. Да и сам Кукольник не исчезал никуда более чем на два часа, необходимые для покупки нужных материалов или встречи с очередным заказчиком.

- Скажи мне, неужели тебе совсем не хочется завести семью, детей? - спрашивала она с завидным постоянством. В ответ Кукольник отбрасывал на спину гриву своих золотых волос и, совершенно заразительно, смеялся:

- Ну что вы, Кира Дмитриевна! Как я могу думать о ком-либо другом, кроме вас? И только в редкие ночи бессонницы Кира Дмитриевна могла видеть Кукольника, который сидя на веранде и дымя трубкой, грустно любовался лунным светом, молочной рекой струящимся по его точеному лицу...

Благодаря своей работе, Кукольник был достаточно состоятельным человеком. Заказов было много, и молодой человек был с головой погружен в работу. "Мне не нужно женщины, мне нужна лишь тема, чтобы в сердце вспыхнувшем зазвучал напев! Я люблю из падали создавать поэмы, я люблю из горничных делать королев..." - мотив романса Вертинского постоянно доносился из мастерской Кукольника, и говорил о том, что мастер творит. И только сам Кукольник мог знать о том, что не только работой было занято сердце его. Каждый вечер, после чая с Кирой Дмитриевной, Кукольник входил в свою мастерскую, зажигал настольную лампу, раскуривал трубку вишневого табаку и творил Богиню. Одно только Провидение может знать, сколько неудавшихся экземпляров своей Галатеей было разрушено Кукольником! Он, не опуская рук, трудился над совершенным образом. Тем самым, что будет настолько живым, что сможет заменить ту, что уже восемь долгих лет покоилась на городском кладбище. Ту самую, единственную, чья фотография в рамке стояла у прикроватного столика Кукольника...

Так прошел год. Колесо обернулось еще один раз и однажды утром, когда Кукольника разбудили лучи нежного мартовского солнца, и он по привычке просто валялся на кровати, его внимание привлек пьянящий аромат кофе свежего помола. Быстро одевшись, Кукольник выскочил на кухню и обомлел. Около плиты стояла девушка, лет двадцати на вид. Ее длинные белокурые волосы разметались по плечам, и солнце играло на них свою волшебную пьесу. Она обернулась, и очаровательная улыбка озарила ее дивное лицо. Глаза красавицы, эти бездонные омуты страсти, были обрамлены черными как ночь ресницами. Ее милые губы были чуть приоткрыты, маня к себе, подобно пению Сирен. Она была одета в искусно расшитое журавлями вишневое кимоно, точь в точь как то, что вчера Кукольник сшил для своей Богини... Ни слова не говоря, мастер бросился в святая-святых своего жилища. Глухо хлопнула дверь, и глазам Кукольника предстал пустой стол. Еще ночью там лежала хорошенькая кукла, сотворенная его руками. Та самая кукла, которая сейчас стояла за спиной, положив свои нежно-волнующие руки на плечи Кукольника...

- Вы не ошиблись, дорогой Пигмалион. Я именно та, которую вы создали своей любовью.

Ее голос, звеневший как серебряный колокольчик, коснулся шеи мастера и заставил трепетать каждую клетку его тела. Не в силах сдержать страсть, Кукольник набросился на свою мечту, обнял ее и впился горячим поцелуем в губы...и тут же отпрянул от крика боли. Плечи Богини, с которых спало кимоно, сохранили отпечатки рук мастера, которые наливаясь кровью, превращались в гематомы. Нежная кожа не смогла перенести натиска...

Тем же вечером в столовой Киры Дмитриевны был настоящий праздник. Пожилая женщина не могла нарадоваться милой девушке, которую Кукольник представил как Виолу. Да и не удивительно это: девушка была на редкость образована,

утончена, элегантна и при этом очень красива. Когда, сославшись на усталость, Виола ушла, старушка спросила:

- Скажите, любезный друг, где вы обнаружили это сокровище?

Кукольник улыбнулся и ответил:

- Милая моя Кира Дмитриевна, иногда достаточно захотеть чего-то очень сильно...

- Да-да, - закивала старушка, - мысль материальна. Это точно.

- И главное в нашем мире - это стремление к совершенству...

Он откланялся и вышел. Кира же Дмитриевна долго стояла у окна в своей спальне и с улыбкой вспоминала свою юность...

Скромное жильё Кукольника преобразалось на глазах. Виола была столь же замечательной хозяйкой, насколько и чуткой, отзывчивой парой. Мотивы романсов Вертинского все чаще доносились из мастерской. Он расцветал на глазах. Качество его работ достигло того уровня, когда его выставки стали модным и посещаемым явлением в богеме. Он объездил практически все страны Европы. Долгие вечера Кукольник проводил со своей любимой, и только одно омрачало его счастье: кожа куклы была настолько же нежной, как первый снег - достаточно было прикоснуться к ней посильнее, как ужасным цветком на плоти расцветал чудовищный синяк... Он мог часами любоваться ее грацией, наслаждаться ее совершенным телом. Однако ничто не вечно в подлунном мире. Первый гром, поставивший некий невидимый барьер между Кукольником и его творением, прогремел накануне одиннадцатого декабря.

- Какие планы на завтра, любимый?

Виола приготовила на ужин отличнейшую шарлотку и сейчас смотрела на Кукольника, который воздавал должное еде. Мастер помрачнел. Завтра была очередная годовщина со дня трагической гибели той, о которой он уже начал понемногу забывать. Той, чье фото в рамке, стоявшее на его прикроватном столике странным образом упало и разбилось четыре месяца назад. Стекло изрезало фото до той степени, когда о восстановлении речь даже не могла идти. Виола молча покачала головой и ушла в спальню. Всю ночь Кукольника преследовал один и тот же сон, из которого утром он помнил только куклу, лежащую в сундуке и сквозь слезы повторяющую: "Я буду только твоей вечно"...

Одев свой лучший черный костюм и испросив позволения у Киры Дмитриевны на то, чтобы собрать немного цветов из ее оранжереи, Кукольник отправился на другой конец города, где располагалось городское кладбище. Виола, вопреки обыкновению, все еще спала.

Погост встретил Кукольника промозглым холодным ветром, голыми скелетами деревьев и стройными рядами могил. "Гармония присуща даже смерти" - подумал Кукольник и, глубоко вдохнув воздух, казалось, пропитанный духом мертвых, двинулся к могиле, стоящей приблизительно в середине шестого ряда. Могила жены ждала его, как и всегда. Одно лишь отличалось от привычной картины, и это обстоятельство породило страшный звериный крик Кукольника. Могила была разрушена. Памятник, расколотый посередине, сорванная фотография, сломанная ограда, растоптанная земля...

Кукольник напился впервые в жизни. Нет, конечно, сперва он съел ужин, приготовленный Виолой, поцеловал ее и ушел в мастерскую, где и достал из сумки загодя приобретенную бутылку коньяку. И уж конечно, он ни слова не сказал как всегда приветливой и заботливой кукле. Даже, несмотря на обнаруженные утром комья земли у входной двери и характерные следы сапог на

высоком каблуке на могиле. Спал Кукольник мертвым, пьяным сном и ни один призрак не мог его побеспокоить.

Незримая черная кошка пробежала между мастером и его куклой. Все чаще Виола засыпала одна, в то время, когда Кукольник запирался в своем чулане. Даже Кира Дмитриевна отметила нечто неприятное в душе своего квартиранта. Он потерял свое прежнее обаяние, невзирая на то, что продолжал исправно коротать вечера в столовой за чаем и светской беседой.

- Что с тобой, мальчик мой? - участливо спросила старушка как-то вечером. - Я же вижу что тебе плохо...

Кукольник посмотрел на Киру Дмитриевну, улыбнулся и, погладив ее сморщенную возрастом руку, сказал:

- Идеал слишком вечен, госпожа Кира. Он слишком вечен, а мы слишком глупы в своих попытках вечность осознать.

Это было последнее, что сказал Кукольник своей покровительнице, тряхнув напоследок своими золотыми волосами и покидая гостеприимную столовую. Кира Дмитриевна долго еще смотрела на его фигуру, уходящую в ночь, вдоль длинной улицы.

Кукольник шел, не разбирая дороги и не имея цели, а в окне его флигеля была видна стройная фигурка девушки. Она плакала...

Ранним утром дверь жилища Кукольника скрипнула. В расхристанной фигуре, источающей ни с чем несравнимое амбре перегара, со следами помады на выдавшей лучшие дни белой сорочке было практически невозможно узнать элегантного и изысканного мастера кукол. Молча смотрела на него Виола. Молча взирало солнце. Молчал и он. Да и что было говорить? Пошатываясь, Кукольник подошел к своему любимому креслу и тяжело в него рухнул. Виола подошла к нему и села в его ногах. Преданный взгляд ее на своего творца был насквозь пропитан грустью.

- Милый, где ты был? Я очень волновалась...

Молча он оттолкнул нежную руку, которая пыталась погладить его колено.

- Но...я же люблю тебя, милый!

- Что такое твоя любовь? - в сердцах бросил Кукольник, - Жалкое подобие чувств, вложенное в тебя мной, твоим создателем? Ты не человек! Ты всего лишь жалкий голем!

Он сорвался на безумный крик, глаза его сверкали гневом:

- Ты хотела присвоить меня себе? Так? Ты бесчувственный монстр! Отродье! Плод бреда безумца! Что ты вообще знаешь о любви, глупая кукла??

Виола поднялась с колен. В ее глазах сверкали бриллианты слезинок. Бесшумно ступая, она вышла из комнаты, а Кукольник бросился к серванту и, вытащив оттуда бутылку водки, налил себе полный стакан. Девушка вернулась через минуту. На ней было одето глухое, черного бархата платье, которое мастер год тому назад шил для куклы, заказанной местным криминальным авторитетом для его дочери. В руках Виола держала нож. Длинное лезвие кухонного прибора матово поблескивало.

- Ты обещал вечно любить меня. - странным деревянным, безжизненным голосом сказала кукла, - Ты призвал жизнь в мое сердце. Ты сотворил меня. Ты, тот, кому я клялась в вечной преданности... Ты говоришь, кукла неспособна любить? Ты просто дурак, если не увидел моих чувств. Нет сильнее кукольной любви, милый. Но..если я не смогла доказать тебе это, я докажу тебе свою ненависть!

- Ч-что ты задумала? - вскричал Кукольник в страхе.

- Прощай, единственно любимый...

С этими словами Виола вонзила нож в свою грудь. Лезвие мгновенно вскрыло нежнейший шелк кожи, раздвинуло ребра и пронзило еще трепещущее, но уже разбитое сердце...

Спустя три дня, обеспокоенная Кира Дмитриевна велела выломать дверь во флигель. На полу комнаты она увидела Кукольника, лежащего ничком на полу. Рядом с ним лежала кукла, держащая в руке сменное лезвие макетного ножичка. Второй рукой она, казалось, тянулась к бездыханному телу. И оно отвечало взаимностью...

Коронер зафиксировал смерть от разрыва сердца, и тело увезли в морг. Спустя сутки, Кира Дмитриевна затребовала его для обряда погребения. В расшитый бархатом гроб она положила куклу и долго еще стояла на холодном, зимнем ветру, подслеповато щурясь. Она читала эпитафию, выбитую причудливым, будто женской рукой выведенным, почерком. Она гласила:

"Любовь куклы не ведает преград, и только познавший всю глубину чувств куклы может заглянуть в вечность"...

Вычитай из Ста

Моим любимым жене и дочери

Вычитай из ста... Вычитай каждый прожитый миг, и ты поймешь, что их вовсе не осталось. Считай, что каждая твоя минута - это шаг к пустоте, и ты увидишь, что минуты измеряются свинцом, привязанным к твоим ногам. Просто представь, что Вселенная огромна настолько, что твое сознание просто не может охватить это, и ты сойдешь с ума. Так же, как это произошло со мной.

Впервые я познакомился с нею, когда стоял на набережной и пил пиво. Она подошла ко мне и сияла своими серыми, словно небо ноября, глазами, и серьезно спросила:

- Ты боишься темноты?

Я посмотрел на нее, и, улыбнувшись, ответил:

- Иногда. А ты?

- А я почти всегда. Когда темно, то почему-то сразу становится страшно. А еще, в это время, приходится очень много ждать.

- Чего ждать?, - естественно удивился я

- Утра. Утро...знаешь, оно очень хорошее! Оно светлое, и, наверное, доброе.

- Гм... Погоди. А если это зима? Если вокруг дома лежит куча снега, а в плохо закрытые окна дует промозглый ветер? А тебе нужно позавтракать и выходить из дому?

- Глупый ты! Зима она как ночь, когда темно, страшно и нужно ждать весну.

Потом она ушла. Я даже не спросил, как ее зовут. Она просто залилась своим звонким, похожим на капель, смехом, и убежала. А я допил пиво и пошел домой, втайне надеясь, что наша встреча не последняя. Я был очарован ее манерой говорить, улыбаться и смотреть в озлобленные глаза мира. Я шел, курил свой "Winston" и думал о сумерках отношений, о ночи брака и рассвете любви. Так со мной было впервые.

Дома меня ждала пустота.

Наутро, как обычно, пообещав себе с завтрашнего дня начать чистить зубы и делать зарядку, я выкурил натошак две сигареты и пошел на работу. Странно - в потоке стандартного для меня документооборота, я не скучал. Даже в ставший привычным чат ICQ входить не хотелось. Я думал о том, что богиня, которую я встретил на набережной, сегодня снова явится мне. И жестоко ошибся. До одиннадцати вечера я проторчал напротив фонтана, на том же месте, где и вчера, но она не пришла. Я чувствовал себя обманутым идиотом. Я напился.

Водка обжигала мне горло, а мысли - мозг. Почему так происходит всегда?? Боги, если вы есть, скажите - почему? Почему я должен сейчас возвращаться в пустой дом? Почему не мои руки будут гладить ее перед сном? Почему не я буду сидеть на краю ее постели, понимая, что хочу курить, но не могу покинуть ее ровное дыхание?

Водка помогла. Я уснул тупым наркотическим сном без сновидений... И признаюсь честно, мне было стыдно за себя.

Утром я почистил зубы, опохмелился пивом из холодильника, привел себя в порядок и отправился гулять в парк. Да-да! Именно в парк! Суббота выдалась солнечной и шумной. Вокруг меня бегали дети, катались на досках скейтеры, грелись пенсионеры, а я сидел на бордюре, пил коньяк и грустил. Я понимал, что она, моя фея, уже принадлежит кому-то. Закон имени меня: "Если девочка существует, значит она чья-то". И он работает...

Сзади кто-то участливо положил мне руку на голову и робко погладил волосы. Я обернулся и обомлел. Это была она. Нет, наверное, это слово нужно писать по другому. ОНА!! И, вы не поверите мне - ОНА улыбалась. ОНА улыбалась МНЕ! Не молодоженам, что позируя перед камерой расположились в трех шагах, не бабушке-бомжу, мирно спящей на парапете, не молодым людям, пьющим пиво на лавочке! Она улыбалась мне!

- Ты грустный.

Я вскочил и поднял ее на руки:

- Нет! На самом деле, я счастливый!! Я так рад тебя видеть!

- Я вчера не смогла прийти, немного болел живот. Ты прости меня, ладно? А то у тебя совсем соленые слезы.

Она ловко вывернулась из моих объятий и теперь стояла рядом.

- Как тебя зовут?, - спросил я, немного отходя от эмоций

- Те, кто рядом со мной, зовут меня Котенком. А как будешь звать меня ты - придумай сам.

- Катя?

- Нет, мне не нравится...
- Гм... Тогда, может, Ира?
- Фу...так зовут одну мою подружку. А я ее не очень люблю.
- Тебе не угодишь!, - рассмеялся я, - Как тебе имя Настя?
- Мне нравится!
- Вот и хорошо, котенок Настенька. Пойдем, съедим по мороженному?
Она вздохнула, развела руками и сказала:
- К сожалению, нет. Потому что я здесь жду...

Эти слова резанули мое сердце острейшей бритвой. Ну конечно, чего же ожидать еще? И тогда я спросил:

- Скажи, котенок Настенька, ты завтра сильно занята?
Она рассмеялась звонко и задорно:
- Ну что ты! Я пока совсем свободна. К тому же, еще не закончилось "сегодня". А когда наступит завтра, оно тоже будет сегодня. Я это давно поняла, - похвасталась она.
- Ты так много знаешь, - удивился я
- Я люблю думать.
- Котенок, а подумай вот: я могу стать твоим другом?
- Ты совсем глупый... Конечно, можешь! Только теперь мне пора уходить, потому что - время!
Она важно подняла вверх пальчик, улыбнулась мне и убежала. Правда, сегодня я уходил в совершенно другом настроении. Последние слова моей милой богини были такими:
- Ты приходи завтра сюда пораньше. И не пей больше эту гадость. От тебя воняет!

Следующее утро наступило. И уже в десять утра я сидел на бордюре и ждал. Настя оказалась человеком слова - ее ладони закрыли мои глаза, а ни с чем не сравнимый голосок игриво сказал:

- Угадай кто?
- Настенька!
- Ну вот...взял и так быстро угадал. С тобой прямо неинтересно!
Она надула свои прекрасные, вишневые губки и отвернулась.
- Ну прости меня пожалуйста!, - взмолился я, - Что я могу сделать, чтобы ты не обижалась?

Она лукаво покосилась в мою сторону, и сказала:

- Покатай меня!

Я бережно поднял ее на руки и посадил к себе на шею, когда с соседней скамейки раздался голос:

- Анастасия!

Мой взгляд, исполненный яростной ненависти молнией метнулся туда. Там сидела молодая женщина. Волосы цвета соломы, ясные глаза и просто дивная улыбка. Я бережно донес Настеньку до скамейки, где сидела она, и поставил малышку на ноги.

- Это ваша дочь?

Она посмотрела на меня, заставляя просто захлебнуться океаном эмоций... Она смотрела на меня целую вечность. За это время я узнал, что зовут ее Аленой, она дочь военного, родилась на севере. Но самое главное, что я понял, так это то, что Настенька - не ее, а наша дочь. Милый котенок, которого я буду гладить по голове перед сном, читать сказки, сидеть на краю постельки...

Спасибо тебе, дорогая! Я вместе с тобой жду это сокровище, которое придет в наш мир и вместе с нами будет удивляться его многообразию.

Правила Игры

Мастер не проигрывал никогда. Как никогда не играл с шулерами или в поддавки. Он всегда играл честно. Так же, как и всегда выигрывал, невзирая на сумму выигрыша. Смысл игры для него был во всем - независимо от правил, обстоятельств или атрибутики. Быть в водовороте игры... ничто иное не прельщало Мастера. Более того, Мастер не мог представить себя вне Партии..

Когда-то он был простым врачом - человеком широкой души и самой гуманной профессии. В тот вечер, а точнее, в вечер пятницы, 17 декабря, он дежурил ночью. Никаких происшествий, патологий или срочных операций. Тишь да гладь! Он бродил по широкому коридору отделения, меряя глухими шагами пол, и думал о предстоящем праздновании Нового года, когда его окликнул пациент, поступивший час назад.

- Доктор, вам скучно?

- Что вы, милейший, - усмехнулся он, - у врача всегда забот хватает! И даже то, что не спите вы, уже заставляет озаботиться!

- Доктор, с вами можно поговорить? Совсем немного...

Войдя в палату, он рассмотрел собеседника. Это был высокого роста мужчина, обладавший густыми черными волосами и взглядом, прожигающим, словно огонь. Пациент присел на край кровати и изучающе оглядел врача. Помолчав немного, он сказал:

- Доктор, давайте сыграем в шахматы? Мне осталось совсем немного, и я не хотел бы уходить без выигрыша.

- Гм... идея отнюдь не плоха! Однако, милейший, (простите, запомнил ваше имя-отчество), есть одна проблема - я не умею играть в шахматы. Максимум, что я знаю, так это правила движения фигур.

- Ну что ж, - развел руками странный пациент, - тогда я с удовольствием научу вас играть.

Перспектива скоротать время весьма порадовала молодого врача, и он с радостью согласился. И, конечно же, получал мат за матом до самого утра. Но упорство и гордость не позволяли ему остановиться до самой пересменки. Когда врач уходил из палаты, поблагодарив своего партнера, последний сказал:

- Спасибо вам, доктор! Огромное спасибо. Теперь вы никогда не проиграете!

Так для врача окончилась карьера в медицине. Окончилась, потому что через час после его ухода пациент, с которым он играл всю ночь в шахматы и который не подавал ни единого признака плохого самочувствия, тихо умер в своей постели. Так для Мастера началась карьера в игре. Первую свою партию он выиграл в суде, где его обвиняли в халатности и некомпетентности.

Стоит ли говорить, что в медицину Мастер уже не вернулся?

Еще вчера Мастер очередной раз выиграл в казино. А сегодня в очередной раз проснулся от странного сна, в котором Девушка печально смотрела ему, Мастеру, в глаза. И, казалось, беззвучно плакала.

Вчера кости в руках Мастера послушно ложились на одно-два значения больше, нежели у партнеров, а сегодня он тупо пил кофе, сидя на неубранной постели. Жены или подружки у него не было. Да и зачем игроку женщина?

Вечером он планировал отправиться на вечеринку к своему новому знакомому – хозяину теле радио компании. А из этого следовало, что нужно привести себя в порядок, посетить парикмахера, и забрать из химчистки свой костюм.

Чем, собственно, Мастер и занялся вплотную.

Вечер начался просто отлично. Хотя бы потому, что Мастер любил преферанс. В достаточной степени интеллектуальная, эта игра доставляла ему наибольшее удовольствие. Около полуночи, не утруждая себя пересчетом выигрыша, Мастер поблагодарил партнеров, (после встречи с шахматистом это стало частью ритуала), и отправился в общий зал, где гремела музыка, чтобы выпить шампанского. Того требовали традиции. Мастер устало откинулся на спинку кресла, стоящего на веранде, закурил и сделал первый глоток игристого, ласкающего небо, вина. Только сейчас он заметил, что прячется на веранде от толпы не он один. Спина к нему стояла девушка, державшая в правой руке бокал красной "Изабеллы". Она сосредоточено смотрела вдаль. Не оборачиваясь, она произнесла:

– Скажите, только женщинам свойственно разочаровываться в себе, или мужчины на это тоже способны?

Мастер задумчиво выпустил сизый дым сигареты, попутно разглядывая девушку. Она была невысокого роста, обладала длинными волосами и отличной фигурой. Когда она обернулась, как бы требуя ответа, он смог разглядеть полные боли, очаровательные глаза, классический римский нос и великолепную грудь собеседницы.

– Что молчите? – дерзко спросила она

– А что вы хотите услышать?

– Например, ответ на мой вопрос! Или вы так обомлели при виде моей задницы, что не слышали его?

– Ваше тело мне неинтересно. Гораздо любопытнее то, почему вы подумали о том, что я знаю ответ.

– У меня слишком развита интуиция. А вы мне врите! Вас всех интересует только мои формы!

– Ошибаетесь. И я докажу это вам. Сейчас мы с вами поедим ко мне домой. Вы сядете в кресло напротив моего. Я дам вам в руки револьвер, с помощью которого вы пристрелите меня, если я буду к вам приставать. Мы выпьем немного кофе по-ирландски и сыграем в одну игру, которая поможет вам проверить свою интуицию. Утром такси увезет вас домой, и мы больше никогда не встретимся.

– Ха! Конечно!

– Револьвер я дам вам прямо сейчас, и еще полчаса буду ждать в синем «Вольво» чуть левее от входа. Если вы не решитесь, револьвер пришлете с водителем такси по адресу...

В машине Мастер включил музыку – диск, выигранный у диск-жокея клуба BuddhaBar, вновь закурил и посмотрел на часы. Ждать оставалось двадцать

четыре минуты. И на последней минуте, дверь справа открылась, и на пассажирском сиденье устроилась девушка с глазами из сна.

- Вы передумали бояться? - спросил Мастер, заводя двигатель.
- Я все равно вам не верю, - ответила девушка и отвернулась к окну.

Через какие-то пятнадцать минут Мастер готовил на кухне обещанный ирландес.

- Правила игры просты. Я проговариваю вслух событие, которое, как мне кажется, имело место в вашей жизни. Независимо от того, прав я или нет, вы делаете то же самое, но только обо мне. Проигравший просто молча встает и уходит. Я уйду наверх, где находится моя спальня, а вы - на улицу, где вас ждет такси. Договорились?
- А вы самоуверенны!
- Я ни в чем не уверен. Поэтому начну первым. Не так давно вы вышли замуж, и уже спустя полгода пожалели об этом.
- Вы хам!
- Я же просил, без комментариев!
- Хорошо. Что дальше?
- Дальше ваша очередь, - и добавил про себя, - Богиня...
- Вы пусты. Жизнь надоела вам, потому что никогда не была вас по лицу.
- Вы мечтаете о страстной любви, каждый раз разбивая в кровь свои чувства...

Так продолжалось до тех пор, пока девушка не встала и, хлопнув дверью, не ушла. Это произошло после реплики Мастера:

- Вы трусливы, потому что боитесь разочарования.

Утро принесло только головную боль. Сказывалось шампанское, виски в ирландес и коньяк, который Мастер пил после ухода девушки, чье имя он обещал не спрашивать. И самое неприятное было то, что его же правилами было оговорено - больше никогда не встречаться.

Шипение пара кофе-машины прервалось громким и настойчивым стуком в дверь. Открыв ее, Мастер увидел молодого человека, чьи весьма милые черты лица были искажены гримасой злости.

- Чем обязан? - спросил Мастер
- Ты нарушил условия игры!
- Простите...

Гость представился Мастеру никем иным, как Дьяволом.

- Правила устанавливаю только я! Как ты, простой смертный, посмел создать новую игру? Неужели ты думал, что твой талант имеет корни в тебе самом?? Глупец! Ты - всего лишь чехол для флейты! Для моей флейты! Кто ты такой, чтобы вступать в противоборство со мной, Несущим свет??? Ты сторишь в пламени моей ненависти! Ты - ничтожество и душа твоя принадлежит мне!

Дверь, ведущая на кухню, где проходила беседа внезапно растворилась, а звонкий голос произнес:

- Давай сыграем в игру?

Мастер сидел в стороне и наблюдал. Наблюдал за тем, как огненный поток из глаз Дьявола схлестывался в яростном поединке со льдом взгляда девушки, сегодня покинувшей его дом, предварительно положив вороненый ствол револьвера на столик.

- Ты всегда хотел власти, и чужая слава заслоняла твой взгляд пеленой злобы.
- Ты страдала в детстве недостатком общения, вследствие чего у тебя никогда не было друзей.
- До недавнего времени тебя боялись, а сейчас ты чувствуешь, что твой трон пошатнулся.
- Ты мечтала о принце на белом коне, а получила банального инженера, вследствие чего ушла в себя...

Через три часа Дьявол плюнул на пол и, хлопнув дверью ушел. Таковы были правила. Это произошло после реплики девушки:

- Ты всегда завидовал воле людей, и только поэтому назвал себя идеологом настоящей свободы...

Мастер сидел в кресле и смотрел на огонь камина. Девушка стояла за спиной и гладила его волосы и плечи, иногда чуть касаясь шеи Мастера губами.

- Неужели, ты, правда, думал, что я смогу покинуть тебя? Ведь несмотря ни на что я ждала тебя всю жизнь.

А Мастер молчал. Он думал о том, что стал по настоящему счастливым. А для этого потребовалось просто проиграть.

Нестрашная сказка

Очаровательной Д.

- ...расскажите мне сказку!

- Сказку? Извольте. Какую?

- Любую. Не важно... Про то, чего мало в жизни. Про то, что может на самом деле называться сказкой.

- Ну что ж...

...Виктория сидела на подоконнике с чашкой горячего кофе и смотрела вдаль. Улыбалась заходящему солнцу. Закатное небо отливало морской лазурью, как будто океан поднялся над миром, дабы полюбоваться летним вечером. Казалось, все населяющее маленький шарик планеты Земля стихло, чтобы не мешать ей наслаждаться одиночеством. И она, вторя миру его молчание, тоже молчала. Теперь она умела это делать, хотя сотни лет до этого даже не догадывалась, что такое возможно. И уже не важно, что вся сотня лет прошла за один день.

1.

Она сидела на пляже и смотрела вдаль. Солнечные блики отражались в широких зеркальных стеклах ее темных очков. Мелкая галька, одна за другой, улетала в реку, направляемая тонкой рукой, украшенной изящным браслетом. Толстая чайка кружила практически над самой водой, периодически падая вниз - завидев плещущуюся рыбешку. Вода ласково оглаживала босые ступни Виктории, подобно нежному любовнику готовому ласкать объект своей страсти долгие часы напролет.

- Скучаете? - голос принадлежал высокому мужчине, одетому в черную шелковую рубашку, черные же брюки, и держащему в руках зонт-трость.

- Нет, ни в коем случае. Просто ностальгирую, - Виктория улыбнулась, представив себе насколько сейчас жарко незнакомцу.

- Вы позволите присесть рядом и понаблюдать за тем, как вы это делаете? - незнакомец снял с глаз очки и обжег ее пронзительным взглядом своих темных глаз.

- Пожалуйста, - протянула она, немного отодвигаясь вправо. Незнакомец сел на прогретый песок и молча, не спрашивая позволения, закурил.

Они сидели молча, но изредка она могла краем глаза заметить пристальный взгляд незнакомца в ее сторону.

- Скажите, - первой нарушила молчание Виктория, - вы так любите тепло? Я имею в виду то, что вы достаточно... не по-летнему одеты.

- Да, я люблю тепло. Кстати, зовут меня... впрочем, неважно. Вы можете звать меня Фаготом.

- А я - Вика. Вы любите Булгакова?

- Не совсем так... Да, очень приятно познакомиться, Вика.

Что накатило на Викторию - она и сама толком не поняла. То ли странное обаяние незнакомца, то ли его манера держаться. Почему-то, она ему доверяла. Хотела с ним заговорить.

- Вы любите кошек? - спросила она, немного смущаясь не самому удачному началу разговора.

- Нет.

- А почему? Они же... Ну, я хочу сказать, что это ваше дело, конечно, но как можно не любить этих чудесных и милых животных?

- А если я вам скажу, что одно из этих существ, которых вы так хвалите, просто сломает всю вашу жизнь? Вы продолжите их любить?

- Да ну! Это просто невозможно!

- Хотите небольшое пари? - незнакомец, назвавшийся странной кличкой "Фагот" резко встал на ноги и, отряхнувшись от песка, осмотрел Вику поразившим ее своим цинизмом, колючим взглядом.

- Не поняла, - холодно произнесла Виктория, которая была ошарашена странной переменной в поведении незнакомца.

Фагот вновь надел маску любезного джентльмена и учтиво подал ей руку помогая подняться:

- Все очень просто, ma petite...

- Как вы меня назвали?

- Это по-французски. Означает: моя малышка.

- Хм... С каких это пор я стала для вас малышкой??

- С тех самых, когда я увидел вас, - нетерпеливо отмахнулся Фагот, - Но вернемся к условиям пари. Давайте договоримся так: если в течение одной недели мое предсказание сбудется, то есть - столь любимое вами животное кардинально изменит вашу жизнь - вы проиграли.

- А как вы об этом узнаете?

- Я приду к вам и спрошу.

- То есть, вы просто напрашиваетесь в гости? А я, вообще-то, замужем, - мило улыбнувшись, покочетничала Вика.

- К тому времени, как я приду - не будете.

- Это что значит? - вспыхнула Виктория, - Да что вы себе позволяете!?

- Только то, в чем я абсолютно уверен, - невозмутимо ответил он и улыбнулся,
- Кстати, если вы сейчас едете в город, то я мог бы составить компанию. Мы могли бы поужинать вместе, а заодно - обсудить ставки...

Вместометие

Кофе медленно остывал, а на небо, так живописно освещенное огненным шаром солнца, вереницей тянулись тучки. Виктория улыбалась стихиям и задумчиво теребила кончик толстой косы. Почему в жизни всегда есть место последнему танцу? Мысли кружились, словно хоровод бабочек...

2.

В ресторане "Европейский" Фагота, похоже, знали достаточно хорошо. По крайней мере, такие выводы можно было сделать из того, что столик уже был заказан, а на нем стояли два прибора в китайском стиле. Фагот аккуратно принялся заваривать чай, в то время как Виктория осматривала зал. Ароматный напиток, наконец, наполнил чашечки, затейливо украшенные китайскими иероглифами. Сделав глоток, Виктория спросила:

- Скажите, а имя у вас есть?
- Есть, - невозмутимо ответил Фагот, - но в данный момент оно несущественно. Вы умеете пользоваться моментом, *mon ami*?
- Да. Я всегда предпочитаю жить здесь и сейчас.
- Вы уверены?
- Абсолютно точно.

В это время официант принес заказ Виктории - подогретое вино, источающее запахи корицы и кориандра и блюдо с устрицами. Фагот продолжал небольшими глотками пить чай. И вдруг, его спокойствие сменилось озорным блеском глаз. Неожиданно он подался вперед и... поцеловал Викторию в губы.

- Что вы делаете?- возмутилась девушка.
- Ничего сверхъестественного. Если вы не заметили, то объясняю - я поцеловал вас.
- Но...
- Т-с-с, - поднес палец к ее губам Фагот, - Скажите лучше: чего вы хотите прямо сейчас?

Мурашки пробежали по телу Виктории от его шепота. Странное тепло внизу живота и томная нега охватили ее сознание:

- Сейчас? Потанцевать.

Фагот улыбнулся в своей загадочной манере и, встав со стула, церемонно поклонился. Протянул руку.

- Позвольте вас пригласить, *mon ami*...

Оркестр заиграл что-то до боли знакомое. "When love kills love" Скорпионов, кажется. Медленный, плавный ход песни сменялся жестким рифом гитары. Губы Фагота без доли стеснения касались шеи Виктории, а руки ласкали спину. Не скользили, а именно ласкали. Легкий запах жасмина (и, как показалось Виктории, коньяка) чуть касался ее губ, которые она старательно сжимала... Пальцы Фагота бесстыдно плыли по изгибу ее бедер, порождая незнакомый донные жар внутри...

Практически с трудом дождавшись конца песни, она плюхнулась за столик. Даже, несмотря на аплодисменты, которые звучали в ее... нет, в ИХ честь!

- Виктория, вы готовы обсудить ставку нашей игры?

Вопрос, который прозвучал несколько холодно и прагматично, практически не смутил девушку. Слишком уж жарко ей было, наверное.

- Да, - выдохнула Вика.

- Отлично. В таком случае, мне кажется, вы не будете спорить с моим предложением. В случае вашего проигрыша я стану владельцем вашей души. Полноправным.

Легкая истома, словно кожаные доспехи гладиатора тяжелым мечом, была пробита холодностью его тона.

- Стоп. А что получу я если выиграю?

- Ничего. Равно, как и я не получу ничего, кроме виртуального владения твоей душой.

Виктория даже не заметила перехода незнакомца на "ты"...

- Хорошо, я согласна.

- Только, чур, - потом не плакать.

- Не дождетесь!

- Тогда - пойдём.

- Куда?

- Если ты не забыла, тебя дома ждет муж...

Между памятью

Кофе остыл окончательно, а солнце полностью утонуло в черноте туч.

Надвигалась гроза. Почему-то Вике вспомнились последние минуты их с Фаготом общения. Казалось, получив ее согласие на игру, он полностью потерял к ней интерес. И, даже, когда она, прижавшись к его плечу и уткнувшись в него носиком, стояла на остановке, он всего лишь раз приобнял ее за плечи.

- Мне пора. Гроза близко.

- Да... Нет! погоди!

- Что, - он стоял к Виктории в пол-оборота. Вся его вежливость и утонченность куда-то исчезли.

- Скажи, а чего ТЫ хочешь сейчас?

- Спать...,- буркнул он, и, круто развернувшись, ушел прочь. Даже не предложив провести. И только если бы она имела возможность сейчас заглянуть в его глаза, они открыли бы ей огромную тайну. В глазах Фагота стояли страх и отчаянье.

Той ночью она практически не спала.

3.

Тучи окончательно скрыли небосвод. Последняя голубая полоска исчезла, словно ее стерли ластиком. Примерно так же пять дней назад была стерта последняя граница между сном и явью в жизни Виктории. Граница между покоем и молчаливым безумием непонятной страсти...

Через четыре дня, после описанного события, Виктория возвращалась с работы несколько позже обычного. В руках она несла два пакета с продуктами, в одном из которых, к слову, лежала изящная коробочка с китайским жасминовым чаем. Дома ее, как обычно, ждала тишина и пустота. Муж, Алексей, был на очередном собрании. Как же они достали! Вика выругалась. Уже которую неделю муж работал без перерывов, выходных и приходил домой только поздно вечером...

Рутинка! Вика разложила принесенные продукты в холодильник и поставила в микроволновую печь вчерашний ужин. На лестничной клетке раздался грохот, мат вечно "поддатого" соседа и хлопки дверей. Все как обычно. По сценарию...

Однако то, что произошло дальше, разрушило все ее стереотипы. В дверь кто-то поскребся. Накинув шелковый халат, Вика открыла дверь и изумленно охнула: перед дверью сидел огромный кот. Черный, будто смола, пушистый, с огромными зелеными глазами. На его шее была повязана пурпурная лента. Кот жалобно мяукнул и потерся своей мягкой, словно шелковой шерстью о ногу Вики.

- Малыш, ты чей? - строго спросила Виктория, - Ты голоден?

Кот утвердительно мяукнул и бесцеремонно вошел в квартиру.

- Ты не блохастый, я надеюсь? Ну, заходи-заходи...

Пока Вика искала что-нибудь, что по ее представлению должны есть коты-аристократы, гость осваивал территорию, обойдя всю квартиру вдоль и поперек. Когда же его позвали, он вальяжно прошел на кухню и сел у предложенного блюдечка со сметаной и маленькой плошки, в которой лежала рыбка. Осмотрев предложенный ужин, кот в два счета расправился с едой. Благодарно мяукнув, он запрыгнул на колени оторопевшей Виктории и, немного помурлыкав, уснул, свернувшись калачиком... Так они и просидели на кухне - обожающая кошек девушка и странный кот...

... Самое удивительное произошло в половине десятого вечера, когда, проспав практически два часа, кот мягко спрыгнул с коленей, потерся о ноги Вики и прошел в прихожую, где сел возле двери. Глядя на растерянную девушку, он нетерпеливо мяукнул и поцарапал лапой дверь.

- Ты уже уходишь? Ну вот...

Вика, открыв дверь, разочарованно посмотрела вслед коту. А через десять минут пришел Леша. Он был слегка подшофе, что выдавал блеск глаз.

- Дорогая, ты не переживай, мы просто с коллегой отметили окончание периода! «И так через день», - с тоской подумала Вика.

Муж был настроен весьма игриво и даже соизволил немного приласкать Вику, прежде чем исполнить ежевечерний «супружеский долг» (по-другому она это назвать не могла) и уснуть. Как обычно, представляя себе что-нибудь приятное, Вика вдруг вспомнила прикосновение шерсти кота к обнаженным бедрам и... сухих, но чувственных губ Фагота к шее. Тепло в животе переросло в жар. Ее сотряс сумасшедший оргазм... Но она готова была поклясться - над левым плечом мужа, который судорожно дышал ей в грудь перегаром, в окне, она увидела черную молнию, прыгнувшую с подоконника на карниз. А также - зеленые, злые глаза сегодняшнего кота.

4.

Наутро муж ушел на работу, как обычно ругаясь. Он никак не мог найти свое портмоне. В принципе, это было вовсе не удивительно - Леша каждое утро что-нибудь терял.

Обычно они уходили на работу вместе, но сегодня Вика решила поработать дома, сказавшись приболевшей. Частично это было даже правдой - странные ощущения внизу живота, непонятную легкость в теле Вика объяснила себе приступом гипотонии.

Повалевшись еще немного в постели, она включила чайник и приготовила себе кофе. В дверь аккуратно поскребли. Почему-то, совсем не удивившись, Вика впустила своего вчерашнего знакомца - черного, как грех кота.

- Что, подглядывал вчера в окно, бродяга? - рассмеялась она. Четкая уверенность в том, что отныне это ее кот, не покидала. Гость спокойно

прошествовал на кухню, где и был накормлен порцией судака и миской простокваши. Как и подобает воспитанным котам, Призрак, (как окрестила его Виктория) съел все предложенное, вылизал обе плоскости и принялся сосредоточенно мыться. Вика усмехнулась, и, потрепав кота по шерсти, отправилась работать. Через пятнадцать минут, сытый и довольный Призрак запрыгнул к ней на колени и принялся мурлыкать. Неожиданно, он стал на задние лапы, уперев передние в грудь Виктории, и принялся лизать ее нос, щеки и глаза.

- Вот глупый! - смеялась девушка, пытаясь оттолкнуть мешавшего ей Призрака. Но не тут то было. Кот сместился немного вниз и начал лизать шею и левое ушко Вики. Его хвост скользнул в разрез халатика и прошелся снизу вверх по бедрам. Раз, другой, третий... Виктория застыла, откинувшись на спинку кресла. Так продолжалось до тех пор, пока пушистая кисточка не скользнула в самую глубь призывно раздвинутых бедер девушки, и Вику не накрыло волной наслаждения. Призрак же мягко прыгнул на монитор, а оттуда - на трюмо. Резко крутанувшись, как собака за своим хвостом, кот сбросил на колени приходящей в себя Виктории бумажник Алексея, зашипел и выпрыгнул в открытую форточку.

От падения бумажник раскрылся и из него выпала сложенная вдвое записка. Ступая нетвердыми, словно ватными ногами, Вика вознамерилась положить ее на место, когда внезапно усилившееся обоняние не дало сигнал о знакомом запахе. Женские духи. Их запах, изредка сопровождавший королевским шлейфом Алексея, объяснялся обычно многочасовым сидением рядом с коллегой на совещании у шефа. Развернув записку, Вика прочитала следующее:
"Пупсик, не забудь - завтра в семь, в "Якитории"". И вчерашняя дата. Виктория фыркнула. Как же, пупсик... Девяносто килограмм живого веса! Она смеялась долго. И только через несколько минут до нее начал доходить смысл написанного.

Плакала девушка гораздо дольше, чем смеялась. Истерика сменялась рыданием, рыдание - тяжелым сном, а сон - паникой. Так продолжалось до пяти вечера, когда рингтон мобильного известил о звонке руководителя.

- Алло, Виктория?
- Да, Святослав Сергеевич? - ее голос дрожал и был полным боли и отчаяния.
- Виктория, вы помните, что сдача документации по проекту завтра?
- Конечно.
- В таком случае, я хотел бы видеть вашу работу. Сегодня. Через час.
- Я...

Но трубка уже молчала. Спорить с начальником было бессмысленно.

С трудом собравшись, Виктория поехала на работу. Уже с первых минут пребывания на территории проектной фирмы, где она работала, ее начали посещать странные подозрения. Коллеги смотрели косо, секретарь даже не скрывала презрения во взгляде. Даже мужчины как-то осуждающе, (хотя некоторые - сочувственно), качали головой. А в кабинете ее ждал полный крах. Крах всего. На столе лежал ее проект, созданный вручную за восемь месяцев. Изодранный в клочья. Его уничтожали методично, с каким-то садистским цинизмом. И пара ключевых черной шерсти, что лежали на столе на все сто изобличали убийцу ее работы. Так горько Вика еще не плакала никогда. Даже, когда шеф своим громогласным тоном вещал о ней, как об истеричной дуре, которая мало того, что мешает счастью бедной, беременной женщины, так еще и саботировала работу всего предприятия, подведя жирную черту под ее историей.

- Женщины? - сквозь алмазы слезинок, потоком ливня смывающих макияж, спросила она.

- Да. Она сегодня приходила ко мне. Как ты можешь, черствая сука, мешать счастью человека, с которым ты даже не расписана? Как ты можешь угрожать ей расправой над ее ребенком? А я-то думал, что ты такая себе тихоня. Вон откуда, чтобы я тебя не видел! Да я ей еще адвоката найму, чтобы оградить ее от твоих посягательств!

5.

...проходя, а точнее - бредя, мимо ресторана "Якитория", униженная, растоптанная, всеми преданная Вика, не смогла удержаться от того, чтобы зайти внутрь. На часах было семь...

...придя, а скорее - приползая, домой, Вика вдруг улыбнулась своему отражению в зеркале. Шок выбил из нее все силы сопротивляться или хотя бы просто вести себя адекватно. Что она потеряла? Мужа, который и не муж ей толком? Самодура-начальника и, пусть даже и любимую - но грошовую работу? Ха! Была ли печаль?

Послевиденья

Приготовив кофе, Вика с ногами залезла на подоконник... Уж что-что, а в одном она была уверена - ждать она сможет долго.

...Черные тучи прорвало острым серпом молнии. Загрохотал гром, и первые капли летнего ливня упали в раскрытое настежь окно. Ветер рвал листья с клена, тянущего свои раскидистые лапы к шестому этажу. Ливень хлестал землю так, словно она в чем-то страшно провинилась. Молнии разрывали вату небес, проливая все новые и новые потоки воды. Вика сидела и молчала. На нежных губах ее играла улыбка.

Внезапно, из-за поворота показалась фигура высокого человека, одетого в длинный черный плащ. Гриву его волос скрывала черная же шляпа. Над головой был раскрыт большой зонт-трость.

На подоконник ловко спрыгнул с карниза большой черный кот. Его шерстка была мокрой и местами - свалявшейся. Вика взяла его на руки и помахала фигуре в плаще. Человек приглашающим жестом помахал ей в ответ.

Виктория набросила дождевик поверх небесно-голубой блузки и джинсов и выскочила под грозу. Небеса пели свою боевую песнь, бичами ливня избивая все живое...

- Пойдем? - спросил Фагот

- Куда? - Вика вложила в его широкую ладонь свою маленькую ручку

- Здесь дождь. А мы пойдем навстречу солнцу.

- Ты жесток.

- А ты хотела, чтобы я тогда сразу сказал тебе, чего я желал в тот момент?

- Вряд ли... Я проиграла. Теперь моя душа принадлежит тебе?

- Конечно нет, глупенькая. Разве я могу взять у тебя то, что не принадлежит никому? К тому же, зачем ты мне без души?

- И что теперь будет?

- Теперь? Не знаю. Но завтра будет все по-прежнему.

- Нет, Фагот, завтра не наступит никогда. Когда придет "завтра" оно уже будет "сегодня".
- Ты уверена?
- Здесь и сейчас, милый...

Coda

Вика проснулась от легкого холода. пляж был пустым, как и прежде. Чайка носилась над самой водой, предсказывая наступающую с юга грозу. "Присниться же такое!", - с улыбкой подумала Виктория, отряхивая платье от песка и направляясь в сторону остановки.

А вдалеке ее провожал взглядом высокий мужчина, одетый во все черное. Рядом с ним сидел большой черный кот.

Неожиданно кот посмотрел на хозяина и спросил:

- Ты же вернешься к ней, Фагот?
- Как знать, милый Бегемот. Я всего лишь писатель, а она - богиня.

Кот неодобрительно покачал головой, глядя, как пальцы Фагота отстукивают на клавиатуре мобильного телефона СМС-сообщение: "Мяу?". Он точно знал, кто его получит через пять секунд.

Игрок

Предисловие:

- Ну что, братишка, сыграем?
- Послушай, Фагот, я же говорил тебе, что с тобой я играть больше не хочу.
- Блин, но у нас такая тоска, что хоть вой!
- Ну уговорил! На что играем?

Вместословие:

Компьютер. WinAmp. "...на календаре - Несмеянин день...". А и правда смеяться нечему. очередной узор боли был готов сплестись причудливым всплеском красок...Очень хочется описать все то, что происходит не употребляя мата. Не получается. Эмоции бьют через край. Олег Медведев - умница. Он умеет играть на струнах души так, что "сердце как лютия. Чуть тронешь - и отзовется..."

1.

Иногда ему хотелось просто сесть и умереть. Сложно отпустить и прощать то, чего не было, нет, и не могло быть никогда. словно жестокий художник пришел в этот мир для того, чтобы окрасить последние дни в цвет крови. Почему всегда так? Почему, как только листок счастья падает вниз с древа мироздания (Норн, судьбы, Парк . т.д.), как его тут же топчут? Топчут безжалостно и жестоко? А, ведь все начиналось...

2

...хорошо! Теплая весенняя погода, холодное пиво, легкая музыка...и ОНА за соседним столиком. Стоит ли говорить, что сердце поэта не из стали, и когда она все же перезвонила ему на работу через неделю, он бросил директорское кресло и убежал в парк? Стоит ли говорить о том, что он был счастлив? Ежедневно он тонул в озерах ее прекрасных, бездонных глазах? И уж точно не стоит упоминать того, что она была единственной, кого он ЖЕЛАЛ. Желал не

просто в физическом плане. Он дарил ей безбрежные океаны ласки и нежности, был готов снять звезду с неба...

Междусловие

. "...но полет журавлика прям, как и тысячи лет назад, мирозданию плевать, кто в небесный сад, кто на нары, но все равно полет журавлика прям, как и тысячи лет назад, так улетай, журавушка, улетай. Сайонара!". Глупо верить в сказки. А писать их еще сложнее. Все равно, никто не узнает правды! Кому она нужна? Кому интересно знать о том, что Змей Горыныч все-таки сжег дотла Новгород, и ни один богатырь не смог его остановить, поскольку полегли на поле брани против орд печенегов? Кому любопытно? А разве то, что Кощей все-таки лишил девственности Василису Прекрасную, которая, не выдержав позора, покончила жизнь самоубийством, перетгрызя вены в опочивальне - забавно?

3.

Когда ты всего лишь буква, любой знак препинания может оборвать твою смысловую линию приведя к тебе абзац. Именно так и произошло в ту злосчастную черную субботу. Еще утром она пожаловалась на то, что не выспалась...Конечно, он знал условия ее жизни (редко кому удается выспаться в ночь с пятницы на субботу в общежитии), но все же... Он просто любил ее и очень жалел. Вечером же разразилась буря. Как всегда, они лежали на травке в парке, любясь голубым, предзакатным небом...Ничто не предвещало грозы.

4.

Язык мой - враг мой, любил говаривать Суворов. Кто дернул его за язык? Кто заставил спросить: "дорогая, а с кем это ты гуляла вчера вечером?"... Ее глаза немного помутнели. Казалось, она сейчас, своим неподражаемым дрожащим голосом выкажет свое негодование. Но нет. "Вчера? Хм...А откуда ты знаешь? Да, гуляла...я была голодна, а он пригласил меня на ужин. Ты же знаешь, как я люблю жаренную картошку! А потом мы смотрели кино. "Непристойное предложение". Или ты думаешь, что я просто так не выспалась?"...

Междусловие.

"...вытри слезы - ведь волки не плачут. Не к лицу им притворяться людьми!". Да, согласен. Bravo, парень! Ведь только так ты смог понять, что именно ты - вервольф этого мира. Нет, не говори мне ничего. Я сам все понимаю. Я не буду ничего говорить о том, что у тебя хватило выдержки довести ее до трамвая, и даже самому сесть в следующий. Никто, кроме зеркальца не увидел твоих слез и не услышал твоего воя... Воя раненного волка!

5.

Именно так. Комок боли сожрал его сердце и тело. Рана в боку слева кровоточила. Из медицинской практики он знал, что раны, нанесенные вилкой наиболее опасны. С трудом он осознавал бытие. Пытаясь читать с коммуникатора любимую книгу, он чувствовал, что в его ушах громом отдаются ее слова. Стояли они колом в груди и десятью граммами серебра в сердце. Спустя какой-то час он набирал дрожащими пальцами СМС "Tu umeesh delat bolno. Proschay" и пил теплую водку. Да, конечно, она пыталась звонить и бормотать что-то непонятное, как видимо - слова оправдания. Но волк был неумолим.

6.

Утро пришло неизбежно. Утро вторника...Естественно - куча не принятых звонков, сообщений с работы и от нее. Одним решительным движением он выбросил SIM-карту в окно. Больше он не хотел слышать ее или о ней. Взгляда в зеркало хватило для того, чтобы ехидно заявить своему отражению: "Мужик, я тебя не

знаю, но все-же побрею!" и, соответственно - побрить. На работе - первым делом запустить ICQ, и отправить ее контакт в игнор-лист. Плевать! Зачем она? Шлюха! Сука! И - работа. Много, качественно. Только для того, чтобы забыть о ней.

Междусловие:

"Все свои девизы поменяла знать, с "veni, vidi, vici" на "fuck твою мать"...". Мальчик мой...Коль уж ты избрал путь волка, будь им до конца. Принцип шахматистов, как видишь, действует. Тебе больно. Пригуби немного вина, тебе станет немного легче. Обещаю. Только следи за тем, чтобы ТВОЙ журавлик не улетел вверх, превратившись в кондора, который не умеет падать вниз...Никогда не теряй себя. Хотя, кому я это говорю, не могу понять. То ли тебе, то ли себе.

7.

Kis-kis (13:45)

Привет. Умираю.

Player (13:47)

Ну, здравствуй. От чего?

Kis-kis (13: 50)

Диарея.

Player (13:51)

Бедняжка. Что привело тебя ко мне?

Kis-kis (13:55)

Просторы сети. Просто понравилась твоя инфа

Player (14:01)

Даже так? Тогда скажи мне, правда ли, что любая девушка способна изменить своему любимому мужчине? Ты такая же, как она?

Kis-kis (14:07)

Что ты можешь знать обо мне????

Player (14:12)

Все женщины шлюхи!!!! Я не знаю исключений!!!! И плевать мне на всех вас!!!

Kis-kis (14:20)

Дурак! ;

Player (14:21)

А вы, конечно же умные...>:-Е

Kis-kis (14:25)

Слушай...Знаешь, о чем я подумала? Давай встретимся сегодня!

Player (14:27)

Засунь такие предложения себе в зад!

Kis-kis (14:27)

Прости, аську выбило. Последнюю мессагу повтори!

Player (14:35)

Где встретимся?

Kis-kis (14:36)

Давай у ресторана "Три короля"

Player (14:37)

Прости, но мое финансовое положение не позволяет мне пригласить тебя в ресторан.

Kis-kis (14:37)

Зато мое позволяет. Значит, сегодня в семь встречаемся у "Трех королей"

Player (14:38)

Хорошо...Только как я тебя узнаю?

Kis-kis (14:40)

Главное, что тебя узнаю я. Все, до встречи!

Player (14:41)

Подожди, как ты выглядишь????

...сообщение не может быть доставлено. Абонент вне сети. Ваше сообщение будет доставлено позже.

8.

Странно...Он стоял у очень дорогого VIP ресторана и ждал неизвестно кого. В руках он мял стебелек алой, будто кровь розы. Светло-серый костюм, ему абсолютно не свойственный, делал его более презентабельным, и немного старше.

- Привет. Игрок - это ты?

Слова эти принадлежали устам миловидной девочке. Немного худенькая, странно нескладная. Красивая, можно сказать.

- Да, это я. А ты, если не ошибаюсь, Кис-кис?

- Просто Оксана.

- Рад познакомиться. А я...

Она приложила ладонь к его губам, закрывая рот и позволяя вдохнуть аромат жасмина, которым пахла ее кожа.

- Я не хочу знать твое имя. Пойдем, я забронировала столик.

- Гм...я не привык, чтобы дама приглашала меня в ресторан.

Она легонько взяла его за локоть и немного навязчиво повела за собой внутрь.

- Вот ты называешь себя игроком. А во что ты играешь? Понимаешь ли ты, что есть вещи гораздо более непонятные тебе, чем кому-либо другому?

- Я не знаю таких вещей.

- Хорошо. Откуда у меня деньги? Как ты думаешь?

- Естественно - это деньги твоего мужа.

Он не мог удержаться от того, чтобы съязвить.

- Ты проницателен.

Она глотнула немного вина, от чего ее губы призывно заалели. Она казалось чего-то ждала.

- И, конечно же, он не против того, что ты сидишь в ресторане с незнакомым мужчиной!

- Ему все равно. Он уже давно сдох!

- Как ты можешь так отзываться о нем???

- Он бил меня. Мне было плохо с ним. Но не суть важно. Ты назвал женщин шлюхами?

- Да. И не смей переубеждать меня. Это бесполезно!!!

- А знаешь ли ты, что сейчас ты сидишь с бывшей шлюхой?

- В смысле?

- В том смысле, что я пять лет работала ****ью! Днем меня трахали как угодно, а по ночам я плакала в подушку!!!

Слова слетали с ее губ, словно пули.

- Он вытащил меня из этого болота и дал все...Но я все рано была несчастна!

- Прости, что поднял эту тему. Извини...

Он выглядел очень смущенным.

- Ничего страшного... Почему ты так высказался о женщинах?

Он глупо посмотрел на Оксану. Его взгляд был похож на взгляд бездомного пса, которого злые мальчишки побили вместо того, чтобы дать обещанный кусок мяса.

Глоток вина...еще...В итоге - он рассказал ей все. В деталях.

Междусловие.

Не хочу ничего цитировать. Просто не могу. Ведь каждый новый день буквы – это не более и не менее, дорога к абзацу. Как ни крутись, дорогой мой, а жопа сзади. Я не говорю о глобальной жопе в виде Рагнарека или Армагеддона. Херня все это...

9.1 (21:30)

- Вот такая история, Оксаночка...Теперь ты понимаешь, почему я был так груб...

- А с чего ты взял, что все было именно так?

- Ну...

- Вот тебе и ну. А знаешь ли ты имя той, кто ждет сейчас тебя больше всего? Знаешь, как она выглядит? Неужели ты думаешь, что для того, чтобы расстаться с тобой, она прибегла бы к такому глупому способу?

- Ты куришь?

- Нет. И здесь курить нельзя. Пойди на улицу.

Он молча кивнул и пошел на улицу. Дурацкая привычка крутить мобильник в руках... Не отвеченная СМС? Странно...

"Ты меня бросил...А я не злая. Глупая шутка...Я одинока. Мне страшно...Что мне остается делать?"...и время отправки: 21:00

Шлюха? Неужели он мог такое подумать? Боже мой, как он был глуп и слеп в своей ревности! Боже мой...где она??? Скорее, позвонить...на счету нет денег. Бежать? Куда? К ней?

- Шеф!!! Стой!! Два счетчика!

9.2 (21:33)

- Что, Ксю, очередная душевспасительная беседа?

- Приветствую, Фагот. А ты пришел очередной раз указать мне на то, что я нарушаю законы?

- Ты проницательна. Вина?

- Абсент, если можно. Извини, Фагот. Много проиграл?

- Порядочно. Какой он у тебя по счету?

- Последний. Сто одиннадцатый. Как и договаривались.

- О-о-о-о...так что, теперь ты свободна? Это стоит отметить!

Междусловие.

Я понимаю тебя, парень и писать больше ничего не буду. Просто расскажи мне еще раз, чем окончилась вся эта история. Старик порадует за тебя.

10.

Я бежал по промозглой от прошедшего дождя дорожке. Общежитие светилось огнями, свойственными вечеру. Суровый вахтер задержал меня:

- Молодой человек, куда направляетесь? Пропуск!

- В триста четвертую.

- Там никого нет.

- А...

- Она ушла с молодым человеком. Час назад.

С понурым сердцем я вышел наружу...Закурил. Сволочь я все-таки...Мало того, что не попросившись сбежал от Оксаны, так еще и...Сердце снова лило кровавые слезы. Рана, немного заштопанная временем и вином, снова кровоточила. А молодежь рядом со мной трепалась просто ни о чем. Я прислушался.

- Ну как, Ирку отодрал?

- Да странная она какая-то...мало того, что тогда не дала, так еще и три дня из своей комнаты не выходит. А сегодня, прикинь, приходит ко мне.

- Ну и?
- Да что, говорит, пойдём погуляем на набережную. Ну, я повел её. И прикинь - доезжаем мы до парка, я пытаюсь её обнять, а она мне "Пошел нахуй отсюда, кретин! Видеть тебя не могу, не то, чтобы терпеть твои прикосновения." Огонь-девка!
- Я подошел ближе.
- Молодой человек, а про какую Ирку вы только что говорили?
- Тю, из триста четвертой...А что?
- Нет...ничего!

11.

Такси мчал меня по ночному городу. Станным было только одно - откуда в моем пиджаке взялись двести гривен. Я-то точно помню, что их там не было...Ее худенькую фигурку я узнал издали. Она стояла на перилах моста.

Я бежал к ней...она была все ближе и ближе... Она стояла лицом к реке.

- Не подходи ко мне!
- Ира...солнышко...
- Я не хочу видеть тебя. Отвали! Ты мне противен!
- Но...прости, крошка!
- Я не твоя крошка! Один шаг и я прыгну! Я не шучу!
- Сумасшедшая девчонка! - это все, что я смог выдавить сквозь спазм горла. И без того темное небо стало еще темнее. Оно темнело как-то очень быстро. А потом еще и начало уменьшаться в размерах, пока не превратилось в точку.

12.

Пришел в себя я от нежных прикосновений чьих-то, до боли знакомых пальцев. Он гладили мою шею, щеку, волосы.

- Ира?
- Я, милый...Ты очень испугал меня. Тебе уже лучше? Поехали домой...

Послестроение.

Вот такая история...Сам приколотся. Гм...всплакнуть что-ли для престижа?

- Ксю! Принеси бокал абсента! Что-то пристрастился я к этой дряни...Ффффф-у...жара невыносимая.

- Фагот, невыносим ты. Я не твоя служанка. Приди и возьми сам!

Да уж...вот так-то. А я все-таки выиграл свою часть. Проиграл, конечно, больше...Но зато жена - ангел. В прямом смысле слова. С крыльями и перышками в них. Зовут её Аннита. Но что-то я по привычке называю её Оксаной. Это её последняя легенда. Тоже мне...тайный агент по спасению влюбленных!

Будто, в последний раз

Никому, никогда и ничего. Принцип бесконечных глупцов. Солнце не имело бы никакого смысла, если бы не существовало до конца времен. Луна была бы глупой и бессмысленной, если бы не была столь красива. Впрочем, есть и еще один нюанс. Он заключается в том, что ни Солнцу, ни Луне смысл не нужен. Его находят совершенно бессмысленные люди, которые совершают кучу бессмысленных поступков, но категорически отказываются воспринимать мир вне категорий...

1. Человек спектакля.

Я встретил этого, совершенно невзрачного на вид, мужчину, безвкусно наряженного в свитер аля геолог, в харчевне, что рядом с торговым центром.

Мало кто, кроме откровенных маргиналов, футбольных болельщиков ну и...меня посещают это заведение. А уж такие чистоплюи - и подавно обходят его стороной. Впрочем, я уже привык к тому, что внимание к моей персоне периодически притягивается именно неудачниками. И это правильно, ведь именно эта категория человечества во все века была готова продать душу Дьяволу. Кто ж еще пойдет на такую, откровенно мутную сделку? Вот и теперь этот экземпляр представителя городской флоры сел за мой столик и, уныло глядя на формы Леночки-официантки, заказал чай с лимоном. Я покачал головой. К гадалке не ходи - передо мной сидит субъект, лет тридцати от роду, одинокий, как мертвец в гробу, нудный, как надгробие и сексуально неудовлетворенный, как последний крокодил на Аляске. Недавно переехал от опостылевшей матери на съемную квартиру, где после работы предается греху онанизма и пустому, тяжкому сну. Я вздохнул и подвинул рюмку с коньяком страдальцу. Спустя десять минут все мои догадки подтвердились... Кроме того, я узнал, что мой новый знакомец - заядлый христианин, долго и безрезультатно влюбленный в свою соседку по лестничной площадке. Пьет холодный чай Nestea и верит в то, что он содержит антиоксиданты, которые обязательно помогут ему жить вечно. Ест здоровую пищу из сои, преследуя ту же цель. Стандартный актер в спектакле "Жизнь".

Я заказал два стейка, бутерброды с икрой и еще графин коньяку.

- Знаешь, Игорь, в чем твоя проблема? - спросил я у него, после того, как он вдоволь мне нажаловался, а я убедил его выпить и закусить мясом, ("попробуй непременно и, если ты скажешь, что это плохо, я съем свою правую перчатку").

- В том, что я просто неудачник...судьба...

- Ага. А еще "Бог терпел и нам велел", - презрительно хмыкнул я, и резюмировал - Дурак.

- Ну почему же...

- Потому что и сейчас ноешь. Но, ладно. Я помогу тебе. Скажи, что ты готов отдать из своей никчемной жизни за то, что я открою тебе секрет удачи? Он всерьез задумался. Рюмку коньяку я проглотил в одиночестве и даже успел закурить, когда он, наконец-то, решился:

- Не знаю.

Я рассмеялся.

- Еще бы. Тебе же все так дорого. Тогда я назову тебе свою цену: когда почувствуешь, что ты счастлив, после использования тайны, просто скажи вслух: "Я счастлив, как в последний раз!".

- Всего-то? - облегченно вздохнул он, а я рассмеялся.

- Да, конечно. А ты, небось, думал, что я, как Мефистофель, буду требовать от тебя твою бессмертную душу?

- Нет...но...

- Ничего странного. Ладно, теперь простая формальность: распишись вот здесь, и я открою тебе секрет удачи.

- Что это? - "клиент" снова насторожился, разглядывая лист бумаги, стилизованный под пергамент, который я вместе с ручкой положил перед ним.

- Стандартная форма договора со Счастьем. Про НЛП слышал? Что-то оттуда. Подписав этот договор, ты соглашаешься с тем, что в течение десяти дней ты ГАРАНТИРОВАННО воспользуешься секретом счастья или он автоматически перестает для тебя работать.

- Ой... а вдруг там, в секрете, требуется убить олигарха?

- Ты определенно дурак. Ну, какое же в этом счастье? Короче, думай. Мне еще через весь город домой добираться. Пятнадцать минут даю на размышление.

Стоит ли говорить о том, что через минуту передо мной лежал подписанный договор?

Я наклонился к нему и прошептал на ухо: "для того, чтобы обрести счастье и удачу, тебе необходимо прожить один день так, как будто он последний в твоей жизни, после которой – только пустота".

Быстро расплатившись, я покинул харчевню. Близилась весна, снег грязными комьями лежал на тротуаре. Последний день последней зимы. Только вечерние фонари тускло освещали фигуру, медленно бредущую по проспекту.

2. Человек ни о чем

Женщина, согласно Тэффи, может быть роковой. Согласно Аверченко – наивной. Согласно Бальзаку – сильной. Категорий много, а их разнообразие подтверждает тот факт, что женщина может быть разной. В этом я убеждаюсь постоянно, и даже не пытаюсь вводить новые категории для классификации. Именно это и сблизает меня с ними. Вот и тогда, восьмого марта, я прогуливался по небольшому парку в самом сердце города, когда встретил Светлану. Надо сказать, что именно в этот день магические свойства календаря против воли особенного типа женщин, вытаскивает их в такие места. Психология-с, господи!

Среднего роста, одетая в бежевую дубленку, она медленно двигалась вдоль ряда каменных скамеек, не вытаскивая рук из карманов. Человек ни о чем. Просто единица общества ни о чем. С таким говорить не о чем, делать нечего. У него нет интересов, а самое главное – он никому не нужен. Хмыкнув, я достал мобильный телефон и включил поиск активных Bluetooth-устройств. Так и есть – три телефона настроены на прием. Одно из них именуется как "Светик".

– Здравствуйте, Светлана.

Улыбнувшись своей самой обезоруживающей улыбкой, я продемонстрировал ей руки без перчаток.

– А...

– Не думайте даже об этом. О том, как Вас зовут, мне подсказал Ваш телефон. Вкратце объясняя ей принцип работы разрешающего прием аппарата, мы шли дальше уже вместе. Как обычно и бывает, все мои соображения подтвердились. В разводе. Тридцать пять. Детей нет. Партии – тоже. Жизнь – работа, душ, сон. Ах, ну, конечно же, еще и мечты о принце на белом Бентли – как же без них-то? Три-четыре раза в год – встреча с замужними подругами. Еще реже – бокал вина в свой день ангела. Человек ни о чем и ни для чего. А самое главное – уже достаточно времени чувствуя себя несчастным.

– Вы гуляете здесь для того, чтобы забыть о том, что сегодня праздник, а Вас с ним никто не поздравил, а на работе – выходной?

– Вы...я...

– Не стоит. Послушайте... – я мягко взял ее за покрытую стразами легкого морозца и слез ладонь: пойдете сейчас в кафе и я устрою для Вас этот странный праздник. Вы, ведь, все равно замерзли. Без всяких обязательств с Вашей стороны, конечно.

– Ну, хорошо. Идемте.

Мысленная улыбка. Еще бы.

...небольшое, но вполне респектабельное кафе было практически пустым. Это ближе к вечеру оно запертрит букетами цветов, влюбленными парочками и просто шорохами вечернего города. Именно потому я и выбираю послеобеденное время для визита сюда. Люблю тишину!

Спустя час, когда я заказал розовый брют и мороженное для Светланы, и коньяк с шоколадом для себя, а она рассказала мне о своей жизни, я сказал:

- Света, скажи, ты, ведь, не думаешь, что в разводе с твоим мужем, скучной работе и одиночестве виновата твоя судьба?

Она вскинула на меня свои зеленые глаза, явно подчеркнутые контактными линзами:

- Ну а что? Для Лёшеньки я отдавала всю себя, все свое время! А он сбежал к этой шлюшке. Я старалась получить знания в престижном институте, а теперь вынуждена работать в супермаркете. Вокруг столько симпатичных мужчин, а на меня обращают внимание только всякие алкаши...ну, ты не в счет. Кого мне винить в этом??

Ее "подогретье" шампанским глаза сверкали, а я просто молчал и улыбался.

- Кого, скажи? Не судьба, скажешь? Кто подарил кому-то счастье и удачу, а мне - шиш?

- Ладно, - вздохнул я, - открою маленькую тайну. Я знаю секрет удачи и хочу им с тобой поделиться.

Светлана недоверчиво посмотрела мне в глаза.

- Секрет?

- Именно. Но при одном условии - ты пообещаешь поверить каждому моему слову или я прямо сейчас уйду.

Женщины склонны к мистике, религии и прочей глупости. Особенно, если они несчастны.

"Проживи один день так, как будто он последний в жизни, после которого - только пустота". Подписанный договор. Недопитое шампанское. Еще один человек получил шанс стать счастливым.

3. Счастливы вечно.

Лучи еще не теплого, но уже слишком весеннего солнца, ласкали мое лицо. Я стоял перед невысокой оградой пруда, где уже плавал выводок утят и изредка бросал в воду крошки от булки, бутербродами из которой закусывал коньяк.

- Скажите, друг мой, как Вам удастся все это проворачивать? И, главное, для чего?

Я оглянулся. Передо мной стояла девушка, годков так четырнадцати на вид. Небрежно наброшенная на узкие, подростковые плечи куртка отливала металлическим блеском.

- Приветствую, Марго. Вы, как обычно, наступаете мне на пятки? Опять претензии?

Она улыбнулась, на мгновение, ослепив меня блеском идеально ровных, белоснежных зубов.

- На этот раз, скорее, я по личной инициативе. Женское любопытство.

По привычке ухмыльнувшись, я ответил:

- Знаешь, Маргарита, иногда всех тянет на то, чтобы поделиться тем, что у нас есть. Этим я и занимаюсь сейчас.

- Вот только не нужно лгать, - продолжала улыбаться девушка.

- А зачем мне лгать? Мы-то с тобой обладаем неограниченным счастьем. Вечным, можно сказать. А они...они, всего-лишь, людишки.

- Подождите, сударь! Каких-то пять лет назад, согласно протоколу, от Светланы Серединой ушел муж. И никто иной, как ты способствовал этому в рамках программы "Заповедь". Разве не так?

Я пожал плечами.

- Все верно. Я.
 - Или, всего восемь месяцев тому назад, Игорь Тарасенко "благодаря" тебе, потерял надежду на свою девушку, которую ты же у него и отнял.
 - Работа есть работа.
 - Ну а теперь ты даешь им какие-то идиотские советы! Ты не болен, друг мой?
 - Нууу, начнем с того, что, по сути, советы мои только выглядят глупыми. А еще они бесплатны. Что, согласно Кодексу, не запрещает их давать, при условии не причинения вреда жизни или здоровью человека. Так что, милейшая Марго, рассматривайте это, как благотворительность. Впрочем, как и приглашение тебя на свидание. На будущей неделе, скажем. Во вторник?
- Девушка долго и серьезно смотрела мне в лицо, после чего рассмеялась весело и задорно:
- В среду, друг мой! Я рада, что ты становишься на путь исправления. И все-таки, в чем смысл твоего совета?
 - Все просто, девочка моя. Человек, проживший один день, как последний, больше не сможет быть несчастным. Он просто поймет, как нужно жить.
 - Ну... до встречи, друг мой. Благодарю за разъяснение. Действительно... хм.. По солнечной дорожке весело, чуть вприпрыжку, бежала девчонка, которая никогда не была несчастной. Бежала и улыбалась весеннему солнцу, а вслед ей смотрел и улыбался мужчина, который точно знал, что такое счастье.

4. Счастливые люди

Время пришло. Я вышел из дому и зябко поежился. Ноябрь выдался холодным и сырым, что даже для нашего климата весьма неприятно. Застегнув плащ, я отправился на Перекресток, где сегодня должен был встречать гостей. Они еще не показались в проеме широких ворот, когда я вытащил из саквояжа пузатую бутылочку дорогого, по всем меркам, коньяку и три бокала, а сам саквояж трансформировал в удобный походный столик. На него же легли плитка шоколада, сигара и высокий шейкер. Когда пара, идущая ко мне, приблизилась, держась за руки, я был во всеоружии. Улыбнувшись старым знакомым, я приглашающе кивнул на столик. Для старушки, чье лицо светилось лучиками морщин, я по-быстрому смешал простенький коктейль, а для невысокого, но коренастого деда и себя наполнил бокалы "Мартелем". Они молчали и улыбались. Я улыбался в ответ им. Слова были не нужны. Мы выпили, после чего поцеловал старушку и пожал ее пожилому спутнику руку. Мы виделись в последний раз. Я сложил столик, превратив его хитроумный механизм снова в саквояж, и посмотрел им вслед. Держась за руки и незримо для меня улыбаясь, по широкой и удобной дороге шли счастливые люди. Шли по дороге, ведущей в Ад...

Эпилог

- Демон!!! Я убью тебя!!!
- Развернувшись на каблуках, я увидел перекошенное от злости лицо Маргариты. Сейчас она выглядела, как зрелая тридцатилетняя амазонка и ее взгляд не обещал мне ничего хорошего.
- Ты обманул меня, демон! Ты отнял их души у Бога и вверг в Ад! Ты будешь наказан!
- Молча, не стирая улыбки со своего, без ложной скромности, красивого лица, я извлек два договора и протянул их ангелу, приставленной для надзора за мной.
- Я ничего не отбирал. Они сами сделали свой выбор.

Смешно хмуря брови, Маргарита изучила оба договора.

- Но они же...они отошли от Бога!

- Счастливым людям Бог не нужен.

- Но, ведь, теперь они обречены на вечность мучений в геенне огненной!

- Правда? Пойдем со мной.

Маргарита, недоверчиво глядя мне в спину и теребя рукоять меча, тем не менее, пошла за мной. Через несколько минут я вывел ее к обрыву.

- Смотри воон туда, - указал я ангелу направление. Туда, где на холме, поросшем ромашками, все так же держа друг друга за руки, сидела пара стариков, подслеповато морщась на заходящее солнце.

Маргарита невольно улыбнулась, а я приобнял ее за плечи, взглядом указал на чернеющую вдалеке крышу моего дома.

Марго пристально посмотрела мне в глаза и льдинки ее взгляда, как и ранее, бывало, пронзили мою душу своей небесной голубизной:

- Ты понимаешь, что все равно будешь наказан? Если не за них, так за нас?

Я покачал головой.

- Запомни, иногда вся вечность стоит счастья. Тем более, хочется прожить хотя бы один день. Последний...

Нюит де Ноэль

Господину Э. А. По с глубочайшим почтением

Призрак

...в кафе "Старый бош" мы встречаемся очень часто - практически каждую пятницу за редкими исключениями. Собственно, тем июньским вечером мы сидели на открытой террасе с великолепным видом на Бо Шамель. Зеленый склон, который чудом спасся от выгорания под палящими лучами солнца, уже начал поблескивать капельками росы. Мы - я, Эл Полесофф, журналист из Москвы Эдуард Смел и коренной француз по папеньке Рен, пили Бехеровку и вели пустопорожние разговоры, когда за наш столик плюхнулся толстяк Алан.

Он сходу прикурил от дымящегося окурка синий "Житан" и, по привычке, не здороваясь, заорал мне на ухо:

- А что я знаю!! Вы помните наш рождественский вояж?

Еще бы не помнить! Тогда, по случаю женитьбы вечного студента Николая, мы собрались в кабаке под названием "Le Yamshik" (вспоминая это название у меня рождается аллюзия к "Боржчу" Стругацких). После традиционной для подобного мероприятия водки (количество которой, думаю, станет понятно уважаемым читателям по прочтении следующих строк), счастливый Николай предложил нам всем вместе дернуть в Монте Карло... Мы погрузились в старенький "Опель" Рена и отправились покорять столицу Игры. Как мы смогли добраться до Ниццы - ведомо одному лишь Господу, который, в честь праздника, наверное, был милостив к нам. В Ницце мы остановились в небольшом кемпинге, где и провели ближайшие три дня. В самом настоящем "высокооктановом штопоре", как выразился тогда Эд.

- И что?, - прервал забавные воспоминания Рен

- Так вот, Николай, если вы помните, тогда купил квартиру в Фонтенбло.

- Ближе к делу, Алан!, - строго сказал я, - Иначе к концу твоего рассказа мы рискуем остаться без напитков, которые ты хлещешь, будто верблюд.

- Вы злые и циничные люди! И тем не менее, я преодолею свое желание послать вас к черту и окончу историю...

Нет смысла передавать весь текст дословно, ведь в нем главное – смысл. А заключается он в том, что Николая не спит толком уже три месяца. Потому что, стоит ему уснуть, как он тут же видит привидений...

Мы приехали к товарищу на следующий день, после разговора с Аланом. И были очень неприятно удивлены переменами, которые постигли нашего товарища, активного члена эмигрантского клуба. Из весельчака, никогда не унывающего комика и просто души компании, он превратился в настоящую тень. И я не солгу, если скажу, что встретив его ночью на Рю де Пелят, я буду уверен, что встретил призрака. Бледное лицо, глубоко запавшие глаза идеально гармонировали с застиранным халатом и домашними туфлями с подошвой, постоянно требующей каши, создавая эдакий лавкрафтианский образ. Николай был трезв и испуган.

- Она...она пообещала мне...друзья, она убьет меня! Я ей говорил...просил ее...а она...

- Да кто "она"?, - не выдержав истерического бреда прикрикнул на друга Эдуард
- Привидение!, - выдохнул Николай и забился в истерике пуще прежнего.

Догадки...одни догадки!

Из рассказа Николая следовало, что каждую ночь, примерно в начале второго, сон приводит его в абсолютно белую комнату, где его ждет девушка с черным лицом. Она медленно приближается к нему, протягивая искалеченные болезнью руки и шепчет одну и ту же фразу: "Нюит де Нозль!!"

Мы собрались в кафе на Монмартре, где за бокалом бархатного пива пытались придумать решение проблемы. На уговоры Николая уже не поддавался, и Рен договорился со своим товарищем из клиники Дешан, чтобы направить товарища на отдых в их санаторий, что на Ривьере.

- Скажи-ка мне, Эл, - обратился ко мне Алан после третьего бокала, - Если бы ты убил человека, куда бы дел его тело?

- Оригинальный вопрос! В ящик, что под кроватью, ясное дело!

- Мда...Ответ писателя ясен. Что скажет нам журналист?

- В Сену, конечно! Там сейчас такая свалка, что трупом больше, трупом меньше... - брякнул Эд

- Дурак. А представитель лженауки - аналитики чем нас порадует?

- Гм...скорее всего, я организовал спешную кремацию тела.

- Если Эдик просто дурак, то Рен дурачина в квадрате. Я к чему все это веду, друзья?

- А рогатый тебя знает! - рыкнул я, - Ближе к делу!

- Я думал, что тут хоть один нормальный человек. А Эл оказывается такой же тупица, как и все. Я толкую вам о том, что наш тихоня Николай убил изнасилованную им девушку и теперь она терроризирует его, требуя отмщения!

- Пока дурака я вижу здесь одного. Его имя начинается на Ал и заканчивается на Ан, - удовлетворенно сказал Рен, - Ерунду ты несешь, дружище. Да наш Николай может убить только одно существо в этом мире, и то это бутылка перно.

- Тогда я жду ваших предположений, Холмс! - обиженно надул губы Алан

- Тихо, друзья! - сказал я, не выдержав потока бреда, - Все гораздо проще. Вы не думали, что Николай просто сошел с ума?

Воцарилась тишина. Предположить подобное нужно было с самого начала...

- А поступим мы следующим образом, господа. Я на время отдыха Николая переезжаю в его квартиру. Если в течение недели ко мне никакие привидения не явятся - значит мы направляем Николая к психиатру.
- А если явятся - тебя? - не смог упустить момента съязвить Эдик.
- А если явятся, тогда я торжественно съем десяток страниц из тома Вольтера. На ваш выбор. Договорились?
- А как ты сможешь жить у него? - уточнил вечно осторожничающий Рен
Я поболтал перед его глазами связкой ключей:
- Жаннет лично поручила мне следить за квартирой своего мужа. Так что проблем не будет.
- А она где?
- Она здесь, в Париже, у своей матери.
- Договорились! Встретимся послезавтра на этом же месте, - окончил прения Эдуард, и мы разошлись.

Руками атеистов движет дьявол.

Летом, пусть даже и таким жарким, как в этом году, Париж приобретает странную, я бы даже сказал - притягательную, особенную прелесть. Яркие огни, сияющие девственной чистотой витрины магазинчиков на площади Звезды, столь обожаемые мной мимы у Триумфальной арки, арабы, торгующие открытками с видом на Эйфелеву башню. Однако, все, что можно увидеть в культурных центрах Парижа не может идти в сравнение с пригородами. Самобытность - вот то слово, которым можно охарактеризовать очаровательных Эллен и Мари, так мило флиртующих с Жаннами и Пьерами на маленьких улочках пригорода... трогательно-добрых молочниц и зеленщиков, что разносят свой товар прямо клиентам на дом... напущенно-строгих пейзажей, ведущих под уздцы своих кривоногих лошадок... Именно с чувством погружения в самобытность я въехал в Фонтенбло. Автобус круто развернулся на конечной остановке, и я, вооруженный небольшим чемоданчиком и сумкой с ноутбуком, направился к опрятному дому в классическом Викторианском стиле. Здесь, в мансарде, и жил до недавнего времени Николая Кривонож, студент МВА, вместе с супругой Жаннет.

Что ни говорили бы злые языки, а вкус у Николая был отменный. Это было видно и по доброму уюту, создаваемому тяжелой, но одновременно придающей уверенность, мебелью в традициях императора Наполеона, и по отличному сочетанию мягких полутонов гобеленов, идеально гармонизировавших с портьерами, полностью скрывающими вид на улицу, и по кухне, чудесно спроектированной для нужд романтика. Одним словом, я получил неимоверное удовольствие от первых же минут пребывания здесь. Вдали от шума Парижа...

Вечером, ближе к десяти часам, я полулежал в кресле и пытался очередной раз начать писать сценарий для очередного ток-шоу, заказанного Франс Интернасьональ. Станный звук отвлек меня от клавиатуры. Он раздавался со стороны шифоньера и звучал как "тук-туктуктук-тук-тук". Я вылез из-под пледа и обследовал громадину шкафа со всех сторон. Стук прекратился, но я был уверен, что раздается он изнутри шифоньера. Полумрак комнаты, а так же доза "Рикара" пробуждали во мне крайне нездоровые ассоциации со скелетом в шкафу, а от этого становилось крайне неудобно. Однако, вопреки ожиданиям, скелет, видимо, утомился и стучать перестал. Не могу назвать себя, человека выросшего в атеистическом Советском Союзе, пугливым или чрезмерно мистифицированным, однако прежний уют определенно куда-то испарился. Вместо него комнату

заполнила прохлада летней ночи и я, укутавшись в одеяло, улегся на кровать Николая в надежде уснуть. И надежды мои оправдались.

Видение

...я стоял посреди комнаты, чьи идеально белые стены, пол и потолок создавали полную иллюзию коридора в бесконечность. Темная фигура медленно приближалась ко мне. Страх захлестывал горло своей удавкой, сковывая волю и движения.

- Нжит де Ноэль!, - прошипел мне в лицо призрак, который можно было назвать женщиной только при очень буйном воображении. Одетое в белое платье, привидение протягивало ко мне скрюченные пальцы и шипело мне в лицо одно и то же: " Нжит де Ноэль!". Его лицо было черным, будто испачканное сажей и лишь глаза, казалось, жили собственной жизнью - они двигались будто на шарнирах меча во все стороны эманации ярости и ненависти. Однако в его шепоте было различимо еще одно слово. Архив.

Стоит ли говорить, что проснулся я в холодном поту, и остаток ночи я провел в компании кофе и рычащего ночную программу в стиле блэк-метал "Радио красного всадника"?

Утром, едва солнце разорвало покрывало тьмы, выброшенное на Францию в угоду разнообразной нежити, я уже стоял на остановке в ожидании рейсового автобуса в Париж.

Туман развеивается.

В центральный архив Парижа я имею пожизненный допуск, как писатель-публицист, получивший Пулитцера на втором году карьеры. Я редко пользуюсь этой привилегией, однако сегодня был как раз тот случай. Первым же делом я подошел к старику-архивариусу:

- Мосье Трож, у меня к вам деликатный вопрос. Я сейчас пишу ряд очерков, для которых мне нужна стопроцентная достоверность...

Старый служащий поправил на носу очки с толстенными линзами и неспешно молвил:

- Вы ищете достоверное... Вы пришли по адресу. Я служу в этом архиве уже добрых полвека и могу поведать очень многое!

- Я опишу вам костюм. Женский. Смогли бы вы определить его вековую принадлежность?

- Он родом из двадцатого века? Или старше?

- Точно не знаю. Судить вам. - я описал платье девушки ровно с той точностью, на которую был способен

- Достаточно, молодой человек, - сухо оборвал меня старик, когда я дошел до описания лилии, вышитой на груди, - вы говорите о платье, одетом на молодой девушке, лет двадцати отроду?

- Д...да...наверное. А откуда...

- Пойдемте со мной, месье э-э-э...

- Полесофф. Эл Полесофф.

- Пойдемте ко мне, месье Полесофф, я расскажу вам одну историю.

Когда вскипел чайник в каморке архивариуса и аромат белого с лотосом чая наполнил помещение, мосье Трож раскурил трубку и начал свой рассказ.

- В тридцать восьмом году в Фонтенбло жила семья мясника Дижжона. Сам Дижжон, его супруга Адель и дочь Эрменегилда. Последняя тайком встречалась с молоденьким поэтом-революционером Мерсоном. И вот однажды, после крупного

скандала с родителями, Эрми сбежала из дому и пропала. Мерсон был осужден за ее убийство, а господин Дижжон, который пил и до этого, под delirium tremens убил свою жену и повесился сам.

- Простите, - воскликнул я в аффекте, - Откуда у вас такие сведения?? Старик криво ухмыльнулся.

- Мое имя Мерсон. Мерсон Трож. И я отсидел в тюрьме двенадцать лет за убийство, которого не совершал.

- Тогда, я думаю вы знаете, что такое "Нюит де Ноэль"?

- Почему это вас так интересует? - насутился старик, - Это духи, которые я подарил Эрми на ее восемнадцатилетие, потратив весь заработок за месяц...

Государственная жилищно-бытовая комиссия встретила меня подобно насторожившемуся в ожидании поединка дракону.

- Мадемуазель, я хочу купить дом в Фонтенбло, - начал я натиск, - Сделка практически оформлена, но мне необходима всего одна мелочь...

- Справок не даем!, - решительно отвечивал мне дракон в облике конторской служащей.

- Мне справка и не нужна, мадемуазель. Мне нужен оригинальный план. Генеральный...

- Это закрытая информация, месье. До свидания.

Странно, раньше, говорят, ключом к сердцу девушки были нежные и ласковые слова. Сейчас их с лихвой заменила стофранковая купюра, легко растопившая ледяное сердце девушки-клерка...

...в Фонтенбло я въезжал уже на такси, вооруженный киркой и ломом. Совсем зеленый мальчишка-водитель с неодобрением в глазах высадил меня, вооруженного этими предметами на Пиорно - живописной улочке с классическими домиками, увитыми виноградом. Оттуда мне идти было необходимо всего-ничего, а свежий воздух отрезвлял лучше любого средства. План дома ясно показал мне, что в квартире Николя должно быть не две, а три комнаты. И я был твердо уверен в том, что именно в этой комнате и находится разгадка тайны...

Разгадка

Сказать, что пожилые соседи были в восторге от грохота, который я производил, громя стену - означает солгать. И тем не менее, мне было плевать на их мнение и мысли - с того момента, как тяжеленный шифоньер сдвинулся с места, открыв мне девственно чистую стену, в которую я и вонзил безжалостное жало кирки. Удар за ударом я оббивал кирпичную крошку и осколки камня до тех пор, пока в лицо мне не дохнул тяжелый могильный запах...

Разрушив стену ровно настолько, чтобы протиснулось тело, я пробрался в абсолютно темную комнату, подсвечивая себе путь карманным фонариком. Закопченные стены, сажа на полу и...истлевший скелет на черной же от пламени панцирной кровати - вот, что встретило меня в комнате. Убийца дочери приложил все усилия для того, чтобы его преступление осталось в тайне! И лишь треснувший по боковой грани флакончик духов, что валялся у изголовья кровати, более семидесяти лет медленно испарял дыхание любви, подаренное Мерсоном Трожем своей возлюбленной Эрменегилде... Я бережно поднял флакончик духов, на котором сквозь прах и сажу была различима надпись "Нюит де Ноэль", положил его в карман.

Выходя из комнаты, я вложил в почерневшую руку страшного скелета аналогичный флакон, купленный мной у мадам Эльжебеты на Флораль... Может, конечно, это и

была галлюцинация человека, одурманенного тленом и страхом, но уже выходя наружу, я услышал вздох: "Jamais..."

- Ну что скажешь, Эл? Привидения не донимали? Горло не душили? - спросил меня Алан, когда в условленное время мы собрались в "Le Yamshik"
- Что скажу? Ничего... На самом деле, Николя просто переутомился - вот у него и начались видения. Вы же сами говорили мне, что на Ривьере они перестали его донимать! Он отдохнет и снова вернется к нормальной жизни...
- Он все равно намерен продать эту квартиру...
- Ну и флаг ему в руки и вперед на баррикады!

Эпилог

Заголовок в "Пари Эстасьон"

"Семья, купившая квартиру в Фонтенбло была вырезана сумасшедшим маньяком. По характеру ран, эксперты делают вывод, что убийства совершались мясницким топором. Возле трупа старшей дочери обнаружен флакон дорогих духов, приобретенных в магазине Эль Джебба год назад"...

Господа, я слишком люблю Вольтера, чтобы есть страницы из его книги!

Баньши

Глава 1.

Удушающий воздух, наполняющий Париж, почти всегда пахнет плесенью. И, поверьте мне, человеку прожившему во Франции почти десять лет, ощущение это весьма удручающее. За что, скажите мне, туристы так любят башню Эйфеля, даже не утруждая себя изучением истории ее сотворения? Почему они видят только лишь романтику Дюма и Голон, не пытаюсь проникнуть глубже? Хотя, на то они и туристы, наверное. Ведь, покупая шляху на Пигаль, я тоже не буду вдаваться в подробности ее падения! Из всего сказанного, следует вывод о том, что Париж - это одна старая, хотя и умелая, популярная шляха... К чему я клоню? А к тому, что история с привидением из Фонтенбло стала достоянием общественности уже через неделю после случившейся там резни. И не без помощи Алана, разумеется. Конечно, он рассказал обо всем своему лучшему другу по страшному секрету! А тот - по такому же секрету - своей коллеге. А та... Одним словом, проснулся я однажды уже популярным. Точнее - не проснулся, а прочитал отзыв в "Пресс-ревью" о "храбром русском писателе, который разгадал тайну призрака"...

Приятно, слов нет! Однако, популярность у журналиста - штука очень специфическая. Вместе с ростом гонораров, она увеличивает ответственность перед читателем, а потому вовсе не удивительно то, что мосье Антуан, редактор издания, для которого я пишу, вызвал меня на ковер сразу после публикации рассказа:

- Вы делаете успехи, Полесов! Однако, любой успех требует поддержания имиджа. Раз уж вы избрали для себя имидж детектива от журналистики, предлагаю вам новый сюжет...

Романтизм, коим окутали Париж мои коллеги по перу очень иллюзорен. Это понимает каждый, проживший хотя бы год во Франции. Ярко освещенные, уютные улочки зачастую таят в себе опасность для людей увлекающихся, а уж тем паче – увлеченных. Образ Парижа, который видят туристы, читающие о нем в рекламных проспектах, крайне отличается от реальности. И убеждаются в этом все, рискнувшие выйти на Набережную Сены вечером. Истинно злачные места, где можно встретить и клошаров, воров – словом, весь тот контингент, который отнюдь не является романтически настроенным... Однако, очень многие люди (в особенности, это характерно для молодых поэтов!) продолжают жить в Париже, дышать плесенью, покрывающей стены домов и верить в то, что Франция – это колыбель чувств, эмоций и переживаний! Скорее всего, именно таким человеком и был первый, покончивший с собой на той неделе, Иоаким Торве. Покончил – да и покончил! Коронеры бы просто вписали его имя в акт свидетельства о суициде, родственники предали бы тело земле – на том бы все и закончилось... Однако, спустя сутки, с ярко выраженной демаркационной полосой на шее, без следов наркотического или другого опьянения, а также – следов принуждения, свел счеты с жизнью студиозус Морис Моруа. А еще через три дня таким же образом ушел из жизни Андрис Чеппа... Иоаким ушел в мир иной вечером августовского четверга, в конце прошлой недели, а на вечер нынешней пятницы количество самоубийц составляло шесть человек. Казалось бы, скажет отнюдь не увлеченный тривиальным сюжетом читатель, в мире каждые сорок секунд кто-то совершает самоубийство! Чему удивляться-то? В том-то и дело, дорогие мои критики – всех самоубийц, по словам мосье Андре, объединяла таинственная сеть схожести. Каждый из них прожил в Париже меньше месяца, каждый жил в районе, граничащем с известным на весь мир погостом Пер Лашез и каждый за день до смерти посещал кабаре "Диманш"...

– Одним словом, Эл, я хочу чтобы ты осветил эти загадочные, не побоюсь этого термина, смерти в следующем номере. Сам понимаешь – в дела жандармерии лезть не стоит, ибо кесарю кесарево, а публицисту – сенсации.

Вечер пятницы можно было бы смело назвать испорченным, если бы не приглашение от очаровательной Феллисыенты – журналистки, пишущей для сайта visitgreece.gr, такой же гречанки, как из меня – француз, в "Оперу" на ужин. Вернувшись в прескверном настроении домой, я выпил пару бокалов Шантре, после чего, даже не удосужившись побриться, вызвал такси до искомого ресторана.

Феллис была просто обольстительна, встретив меня в черном вечернем платье, чей рисунок, изображавший туманность Андромеды стразами, отлично гармонировал с звездчатыми серьгами, так модными в этом сезоне.

– Эл, ты неисправим! – укоризненно улыбнулась она, – Хотя бы сегодня ты мог одеть костюм?

- Милая Феллис, для полного комильфо данного заведения, мне, также, следовало бы удалить весь пирсинг и подстричься. Однако, на подобные жертвы я не готов идти даже ради твоих прекрасных глаз!

- Вот я и говорю, что ты не исправим! - с легким вздохом молвила Феллис, беря меня под локоть и провожая в зал...

Когда был подан кофе, я осмелился отойти от приличествующих случаю, однако - абсолютно пустых тем, к вопросу более животрепещущему.

- Феллис, скажи мне, как коллеге, если бы ты решила покончить с собой, какой билет ты предпочла бы приобрести на тот свет?

Феллис подавилась американо и вытаращила на меня глаза:

- Отличный вопрос для создающего впечатление оптимиста и перспективного литератора!

- Фел, для меня это очень важный вопрос! Прекрати язвить...

- Ну, если серьезный... Вероятнее всего, я предпочла бы цианиды. А вообще, я бы, наверное, пошла в "Крейзи хорс", купила три максимальные дозы ЛСД. После я бы отправилась в Катакомбы, и оторвавшись от экскурсовода, ввела бы себе весь этот яд в вену... Отличное самоубийство! Магнефик!

- Мечтательница. Лучше скажи мне, старушка, что бы вынудило тебя прыгнуть с крыши?

- Это я-то старушка? Скотина вы, месье! А вообще... по моему, это очень не комильфо способ. Мозг, размазанный по асфальту - веский довод к подтверждению факта смерти, но как же внешние рамки эстетики? На самом деле, это чисто мужской способ подписания себе окончательного приговора! Только такие бездушные скоты, как русские могут НАСТОЛЬКО не заботиться о своей внешности...

Стоит ли продолжать историю о том, что после "Оперы" мы поехали ко мне?

Позвольте мне, как человеку воспитанному, удержаться от подробностей, которые и так всем ясны...

Встретив утро чашкой кофе, я, захватив блокнот и ручку, отправился в мой любимый парк. Арли - единственное место, где круглый год можно получать удовольствие от чистого и незамутненного цивилизацией лика Парижа. Сосны, собранные по всему миру, создают незабываемое ощущение чистоты и покоя для любого, кто прогуляется хотя бы полчаса по аллеям Арли. Место, свободное от эмоций - как называет Арли мой товарищ по молчанию в парке, Эжен. Мы регулярно гуляем по тихим, усыпанным хвоей дорожкам вдвоем - друг навстречу другу. И он и я - кормим белок, коих здесь очень много, и изредка улыбаемся проходящим мимо мамочкам с колясками. И он и я - мы солидарны в том, что нет ничего красивее молодой мамы... Но, я отвлекся! В это утро меня тянуло именно в Арли, а я привык подчиняться зову интуиции. Наверное, только чистый воздух,

клекот птиц и бусинки блестящих глаз белок могут по-настоящему пробудить интеллект от забытья. Я гулял по мощенным аллеям, размышляя о том потоке информации, которую успел получить в архивах. Суицид – крайняя мера, к которой будет прибегать человек. Наверное, нужно обладать совершенно безвыходным положением, чтобы прибегнуть к уходу из жизни... Внезапное озарение настигло меня в момент размышления о возможных причинах суицида для отдельно взятой личности! Я вытащил из сумки селлфон и набрал номер Анси Фонтенж, очаровательной женщины и комиссара южной жандармерии одновременно: – Анси? Вас беспокоит Эл Полефф. У меня есть определенные догадки по поводу цепочки самоубийств в вашем районе.

– Александр, вы опять со своими дурацкими инсинуациями? – спросил сонный голос мадемуазель Фонтенж.

– Анси, на этот раз это не просто догадки. Мы можем встретиться?

– Вы дома? – уже теплее молвила суровая девушка, чей голос до этого напоминал концентрированный сжиженный азот.

– Нет, я в Арли. Но могу приехать к вам.

– Ну ужнет! Мне только не хватало субботнего адюльтера с очаровашкой-писателем! Встретимся через час в любимом вами "Le Yamshik". Удобно?

Удобно ли мне было ехать через половину Парижа, чтобы встретиться с милой, голубоглазой француженкой, чей жених – хозяин преуспевающего ресторана не является помехой для регулярных апперитивов в моем обществе? Ха!

Анси встретила меня в чудесно отливающим на солнечном свету аметистовом платье.

– Перно? – спросил я, присаживаясь за столик на веранде

– Нет, мерси, Эл. А вот от кофе не откажусь.

– Анси, вы слишком предсказуемы. И это не умаляет столь милого обаяния, так нехарактерного для комиссара полиции! – улыбаясь брякнул я, – Гарсон, два каффи-лате и порцию бежеровки, амон!

– Ну и для чего ты вытащил меня, мон ами? – уточнила Анси, закуривая свой любимый Голуаз, который я не переношу ни на вид ни на запах.

– Милочка, что вы можете сказать мне о волне суицида, которая прошла по вашему району среди молодых людей?

– Ты ведешь себя по меньшей мере, некорректно к даме. Тебе, дорогой мой, стоит привыкнуть к тому, что приглашая девушку на кофе, не стоит сразу говорить с ней о работе.

– А если я помогу тебе найти причину, вызвавшую эту волну? – закинул удочку я.

– Даже если так. И тем не менее, каковы твои соображения?

– Начну издалека. Знает ли мадемуазель русский анекдот о способе размножения йети?

- Нет...
- Так вот, Йети, обычно, размножаются спорами. Они спускаются с гор, ловят голубоглазую девушку и говорят что-то вроде: "Спорим, сейчас мы будем размножаться?"...
- Это намек? - подняла бровь Анси
- Нет. Это предложение. Я предлагаю тебе пари - если я за семь дней начиная с понедельника раскрываю тайну этих самоубийств, ты обеспечиваешь мне пожизненный допуск к серверу библиотеки Парижа...
- А если нет? Или твои догадки окажутся очередной раз просто догадками? - хищно улыбнулась Анси
- Тогда я исполняю любое твое пожелание. Вплоть до реализации твоей фантазии.
- Отпуске на Ривьере? Договорились!

Глава 2.

Проходя через узкие улочки района Пенерабль, я постоянно задумываюсь о скорбях, преследующих наше бытие. То ли собор Парижской Богоматери оказывает такое влияние на мои мысли, то ли просто полумрак - неизвестно. Возможно, и то и другое... И, тем не менее, я вновь и вновь прохожу вдоль Пари Онексон, размышляя о жизни. Все чаще - о своей. Знаете, я, на самом деле, очень люблю жизнь! Несмотря на то, что я покинул исконную родину много лет назад, я люблю Россию. Да и Украину, где прожил целых пять лет обожаю... Странно, но все же - Мюнхен я тоже люблю, и, поверьте, не только за пиво... Амстердам, Иокогама, Велтенбридж, Лондон, Эдинбург - ни один из этих городов я не могу не назвать родным, несмотря на то, что я их очень люблю! Неужели я и есть мистический гражданин Мира? Крохотные идеалы, которыми я, человек, который даже отказался от родного имени в угоду изящного французского, дорожу - они неопишуты словами. Но в эмоциональном плане их можно смело именовать дворянской Честью. Может быть (а может и удачное оправдание тому) ради той самой чести я и ввязался в эту историю, из которой ложь торчала подобно кускам ватина из драного одеяла...

Первым делом, я отправился на улицу Свободы, где в двухэтажном доме снимал квартиру Морис Моруа, студент, изучающий социологию в Университете.

Прочную дверь открыла передо мной седая дама, чьи волосы были густо украшены бигуди. Эдакая классическая старушка-рантье со специфически поджатыми губами, выражающими извечное презрение, свойственное старости, к праздношатающимся буржуа.

- Мадам Котревель? - строгим тоном, подчеркивающим значимость вопроса, уточнил я
- Да. - каркающий голос так не понравившейся мне старушечки еще более усилил неприятие.
- Мне нужен мосье Моруа. Меня зовут Севил Ист, я взискатель из банка "Монтинари". Где он?

Надо сказать, данная легенда, отработанная до доли секунды и отточенная до блеска ланцета, всегда производит неизгладимое впечатление на пожилых людей, для которых законопослушность и четкость выплат – жизненное кредо. Вот и сейчас, сурово изрезанное морщинами лицо мадам Котревель, как-то вмиг потеплело, и она жестом пригласила меня войти в дом.

За чашкой бледного чая, предложенного мне на удивительно уютной кухне, обставленной в австрийском стиле, седая дама поведала мне следующее:

– Господин Ист, как человек, который ни разу не превысил свои расходы до необходимости прибегать к услугам кредитования, я осуждаю Мориса. Но, тем не менее, как мать, я не могу не осудить банк, который довел своим давлением юношу до петли!

– Простите, мадам Котревель, но мы сегодня впервые решили напомнить мосье Моруа о его долге... А насчет его, простите, самоубийства, я впервые услышал только что от вас. Расскажите, как это произошло? Я понимаю, для вас это был сильный удар, но отчетность – строгая штука...

– Я понимаю вас, господин Ист. Накануне вечером, если я не ошибаюсь, ему позвонил его брат. Он должен был приехать к нему из России. Они не виделись с детства! Для того, чтобы встретиться, они условились о столике в каком-то кафе. Морис бежал на встречу просто окрыленный! А вечером вернулся вдвоем с какой-то девушкой, но на мои вопросы о встрече с братом только сердито отмахнулся! Таким я его еще не видела...

– А когда он...покончил с собой?

– Я забеспокоилась, когда Морис не вышел к завтраку – в тот день у него была важная сессия с куратором. После обеда его двери оставались закрытыми, и я начала стучать. Тишина стояла просто гробовая. У меня есть запасная пара ключей, и я, отворив двери сама, увидела его...

– Благодарю вас от всего сердца! Только последний вопрос: когда мосье Моруа покинула его гостья?

Старушка нахмурилась, будто вспоминая подробности:

– Она не выходила от него! Боже... – вдруг прошептала она

– Простите, как это возможно?

– Очень просто. Ключи от выходной двери есть только у меня. В вопросах безопасности, естественно...

– Дубликат?

– Невозможно! – отрезала мадам Котревель – Мосье Моруа был исключительно порядочным человеком!

Когда тяжелая дубовая дверь захлопнулась за моей спиной, я, выждав около десяти минут, вернулся в палисад, окружающий дом. История становилась все более загадочной. Осмотр сада не дал ничего кроме замечания того, что таинственная гостья, вероятнее всего, покинула дом мадам Котревель через окно на втором этаже, а далее – по винограднику. Однако же, это должна быть очень

спортивная барышня, поскольку, согласно описания старушенции, одета она была в длинное черное платье... Брат из России, говорите? Ну-ну...

Парадокс – самые светлые мысли обычно приходят в темное время суток, и наоборот. Почему? Кто его знает... Именно с этими мыслями, которым сложно дать окраску, я и вышел в поток яркого света, что рассеивался прожекторами на крыше кабаре по площадке перед заведением. Не люблю подобные места! Жалкая попытка объединить в себе слухи о куртуазных нравах парижанок вместе с претензией на респектабельность. К счастью обывателей, доложу я вам, владельцам подобных кабаре это не удастся практически никогда. Вследствие же извечного ослиного упорства франков, кабаре, кафе-шантан и просто бордели растут в Париже, Марселе, Ницце, Монте Карло и прочих жемчужинах Франции с такой скоростью, что иногда кажется, что прорастают они на трупах своих собратьев, подобно грибам-паразитам.

Я вошел в полумрак заведения, заплатив требуемые пятьдесят монет ("сегодня шоу-программа, месье!") и первое, что бросилось мне в глаза, это ярко-красный прожектор, который вырывал из темноты телеса некой перезревшей дамы, которая с завидной устремленностью стаскивала с себя одежду. Вполне возможно, что данное проявление героизма (нужно быть отчаянно-смелым, чтобы показывать ЭТО добровольно) и было заявленной за входную стоимость шоу-программой. Не имея намерения любоваться одиночными и групповыми сеансами демонстрации уродств женских тел, я двинулся напрямую к барной стойке, за которой стоял рослый француз, по всей видимости, исполняющий функции вышибалы.

- Привет, дружище. Абсент?

- Отличный выбор, месье. Ксента? Ван Гог?

- Ван Гог, с вашего позволения.

Зеленая жидкость, которую ценители именуют Феей, закипела в крови, а я продолжил с отстраненным видом:

- Обычно здесь не так тихо, не так ли? – я вальяжно помахал перед носом бармена толстым портмоне.

Удочка оказалась верной, а наживка – вкусной:

- Еще бы! Сейчас сюда съезжаются все авантюристы Парижа и окрестностей.

Увидеть Баньши – цель многих. Жаль, что все те, кто встречался с нею, уже не могут поделиться своими впечатлениями... Но такая версия русской рулетки стала весьма популярной!

- Почему это?

- Они умирают, месье... Неужели вы не слышали о самоубийствах?

- Нет. Я всего пару дней в Париже.

- О-о-о, тогда я с удовольствием перескажу вам эту новую легенду... Еще порцию?

Ход вполне оправданный, поскольку за время рассказа прощелыга определенно надеялся выудить из меня максимум денежных знаков, да и немаленькие чаевые

получить шанс увеличивался. И тем не менее, я согласился послушать его историю, сделавшей средней руки кабак легендарным...

- Баньши, как утверждают сказки, - это вестники смерти. Плачем своим они предрекают гибель живым существам. Непонятно было только одно - является ли Баньши только пророком. Непонятно до момента, когда в двери "Диманш" вошел бледный молодой человек, одетый в кожаный пиджак поверх ярко-красной рубашки - примечательнейший стиль! Он пил только "Револют" и, казалось, кого-то ждал. Не знаю, кого именно, но в тот момент, когда к нему подошла очаровательная мадемуазель, одетая в черное бархатное платье, он забыл о своем ожидании! Через три дня он пришел ко мне, заказал - как обычно - "Револют" и сказал: - Мне очень жаль, что я растратил свою жизнь даром! Иоаким Торве - вот как зовут самого непутевого человека, которого выпили целиком и полностью...

- Кто выпил? - удивившись подобному горячечному бреду, спросил я.

Он посмотрел на меня своими водянисто-голубыми глазами и сказал, чуть усмехнувшись:

- Ведьма. Баньши.

Потом, из газет я узнал, что этот самый таинственный Торве сбросился с крыши той самой ночью. Он пришел на вечеринку, проводившуюся каким-то готическим клубом на крыше заброшенной новостройки, много пил со всеми, а потом один из его товарищей обнаружил его тело на земле... С тех пор загадочная незнакомка уже много раз появлялась у нас. Каждый раз она выбирает одного кавалера и уходит с ним. Что случается потом, я думаю, ясно и покойнику... Точнее, только покойнику и известно! - хохотнул француз над шуткой, на которую способен только бармен.

- А есть ли у нее какие-то яркие отличительные приметы?

- А вот сейчас, месье, вы сами все и увидите. Вон она!

К дансингу подходила редкой красоты черноволосая девушка, одетая в длинное вечернее платье с открытой спиной. На ее шее зловеще поблескивал красный рубин, оправленный в металл. Ведьма, погубившая уже много молодых душ. Она казалась сотканной из льда - настолько холодным был ее взгляд, который она остановила на молодом, но уже пострадавшем от чумы ожирения буржуа...

Тишину, которая накрыла дансинг, классики литературы, наверное, назвали бы звенящей... Быстрым шагом я покинул стены заведения, в котором бездушная Судьба только что отметила смертным приговором еще одного несчастного.

Вопрос, который оказался не прозвучавшим вслух, но очень животрепещущим - Судьба ли это? Но, поверите ли вы мне, я не хотел прояснять его лично, задавая вопросы.

Глава 3.

Есть ли в мире люди, которым вы не доверяете, согласно определенным внешним признакам? Я, вот, к примеру, абсолютно не доверяю людям с белесой поволокой у глаз. Знаете, есть такой тип, у которого глаза кажутся

водянисто-прозрачными? Именно такими глазами обладал уважаемый парень, что смотрел на меня с фотографии в журнале "Максим", датированного апрелем прошлого года. Вроде бы все на месте - брендовая рубашка с белым, кружевным жабо, кожаный плащ с огромным количеством ремешков, замочков и цепочек, высокие combat boots, вероятнее всего - Стилзовские. Классическая иллюстрация к статье, посвященной готике старой школы. Я отпил добрый глоток белого рома и обратился к Феллис, глядящей с неодобрением на мою дурной тон - пить с утра в будний день:

- Феллис, где ты откопала этот шедевр?

- После того, как ты обратился ко мне за поиском готических и околготических тусовок Парижа, я вспомнила о моей университетской подруге, Эдит, которая катастрофически увлекается мрачной сценой. Мы встретились с нею у "Ке Гран Тюа" и она поведала мне историю о их последней вечеринке, которая закончилась тотальной проверкой всех ее участников в жандармерии из-за самоубийства. Этот парень, Юрий, звезда промоушен Российской готической культуры, приехал в Париж для встречи с представителями какой-то там группы. Ну, в его честь наши и закатали грандиозную пати... Что ты ухмыляешься, Эл?

- Юрий, говоришь? А если я скажу тебе, что этот человек уже три месяца живет в Париже под именем Иоакима Торве?

- Тот самый? - ахнула Феллиссента

- Тот самый, - мрачно подтвердил я, - И мне необходимо встретиться с этой твоей подругой... Эдит, кажется?

- Если обещаешь мне не давать повода для ревности, я смогу устроить вашу встречу завтра после обеда, - не упустила возможности пококетничать Феллис

- Ну что ты! Мои чувства к тебе самые искренние, о таких не мог помыслить даже Мопассан! Перезвонишь мне сама?

Я заплатил по счету и покинул стены кофейни. Погода определенно начала портиться - ветер швырял в глаза пыль с мостовой и я определенно пожалел, что не одел рубашку, ограничившись ти-шоткой. Тем более, что в моих планах было посещение набережной Сены, где будет, уверен, еще холоднее. Однако, времени, которое я мог бы посвятить поездке домой, было катастрофически мало, и я, наплевав на непогоду, двинулся в сторону стоянки такси.

- До Жерминаль, будьте добры, - я выбрал пожилого таксиста, обладателя черного, максимально уважаемого мерседеса

- Набережная или Рю? - предупредительно уточнил он, заводя мотор
Франция! Наверное, единственное место в мире, где существуют площадь Марси, улица Марси, набережная Марси и метро Марси - при чем, все в разных концах столицы!

- Набережная Жерминаль

Не успели мы преодолеть первую пробку на Орфевр, когда таксист не выдержал тягости молчания и спросил:

- Что месье думает о всех этих рассказнях о Баныши?

Черт...Город-шлюха, город-сплетник. Я уже давно стал твердым приверженцем версии Рабле о том, что самоназвание "парижане" происходит от франкского прилагательного "паррезьен" - сиречь - языкатые. Иногда мне кажется, что в этой колыбели революций нет нужды в желтой прессе, ибо каждый житель Парижа является ходячим переносчиком сплетен!

- О, я не верю в эти сказки! - бросил я, все еще пытаюсь углубиться в чтение "Ситуасьон"

- Но как же так, месье? Неужели, русская мафия?

Нехотя, я отложил таблоид:

- Месье пора бы запомнить, что вся русская мафия сейчас уютно расположилась на Брайтон-бич, в Нью-Йорке. Париж не интересен русским со времен казаков. Однако, я лукавил. Уже, хотя бы по причине того, что сейчас я направлялся домой к самому что ни на есть русскому мафиози... Тем не менее, мое категорическое замечание, по видимому, обидело компетентность водителя, который замолчал ровно до того момента, когда автомобиль остановился у памятника Луи.

Расплатившись, я нарочито прогулочным шагом двинулся в сторону залива, только лишь с тем, чтобы не демонстрировать истинное место моего назначения.

В доме господина Куренина я желанный гость с тех самых пор, когда я, наступив ему на ногу в клубе "Молинари", вместо извинений обложил его матом.

По-русски. Ну, и конечно же, после того, как по моей протекции его дочь поступила в колледж изобразительных искусств...

- Алексашка! - бычий рев Сергея Валентиновича способен внести панику в любое сердце, - Наконец-то! Явился! А я уж думал, что ты забыл старика! Наташка!

Гля, хто приехал! Подсуети там Жака, пусть водочки организует!

- Я тоже рад вас видеть, Сергей Валентиныч! - от души, искренне приветствовал его я

- Давай, заходи, писака! Щас сбрызнем это дело!

- Я к вам, если честно, по делу...

- Так за водочкой да под стейк из семгочки и обсудим! Дорогой, для тебя...

- Сергей Валентинович, дело очень конфиденциальное...и серьезное. Давайте выпьем потом. Как там говорил ваш любимый дон Корлеоне в фильме? Сперва дела, потом дружба?

И без того суровое лицо Куренина помрачнело. Видимо, он уже понял, что Эл Полесофф не приходит по пустякам.

- Ну, ходим до кабинету, раз такая пьянка! - пробормотал он, указывая мне уже дорогу...

Спустя час моего монолога, еще более посуровевший Куренин сказал:

- Так ты думаешь, что все это банальный театр?

- Не более чем, Сергей Валентинович...
- Элька, я ж не резидент разведки! Все, что смогу сделать, так это - пару звонков на родину!
- Сергей Валентиныч, миленький, так я ж больше и не прошу! - от радости я чуть не подпрыгнул, - Это все, что мне нужно! Буквально немного информации - только лишь!

Морщины на усталом лице пожилого бутлегера разгладились, а ясные голубые глаза посветлели:

- Ну, ходимо, обмоем встречу-то! Эх, сынок, говорил я тебе - женись на Наталке...Щас бы не морочил деду голову!
- Ой, морочил бы, Сергей Валентиныч! Еще и хлеще бы морочил! - смеясь отвечивал я
- Ой, горюшко с этой молодежью! - схватился за голову Куренин, - Ну, ходим, ходим уже!

Наутро я понял что означает термин "зализывать раны"... Проснувшись в шесть утра с пересохшей глоткой и языком, который, подобно мелкозернистому рашпилю, царапал небо, я припав к графину с водой, долго и жадно глотал холодную, чуть сладковатую воду... Черт! Пить с соотечественниками - это мировое зло! С трудом встав с кровати, я побрел в ванную. Одним из жестких условий, поставленных мне вчера Феллисъентой, была идеальная чистота подбородка. И, поверьте мне, случай должен быть исключителен, чтобы ради него я обнажил столь дорогую мне часть тела! Окончив пытку, я приоткрыл окно, наблюдая процесс покрытия Парижа выхлопными газами. Знаете, на самом деле, это презабавнейшее зрелище! Туман, который поднимается от Сены сначала стущается у самой земли, потом, робко, начинает расправлять крылья, поднимаясь к фонарям, уже давно погашенным по случаю лета. А затем в ткань, созданную великой Морганой, влетает первый автомобиль... Он, подобно насильнику с задворок Парижа, жестоко и цинично врывается в тело тумана, разрывает в клочья голубую дымку, уничтожает фантастические иллюзии, питаемые им... Красиво и жестко, черт побери!

Который год уже, я наблюдаю туман по утрам и ровно столько же времени мечтаю о том, что с завтрашнего дня брошу курить и начну делать гимнастику... И каждое утро (кроме выходных, естественно!) я кошусь на покрывающийся пылью учебник "Йога для начинающих", добываю из пачки "синюю" сигарету и погружаюсь во внутренний туман, порождаемый приемом никотина на голодный желудок... Легкий шансон в исполнении Дави Монтьерры моим телефоном вырвал меня из сладкой медитации.

- Эл Полесофф на проводе
- Здорово, Алексашка! Как сам?
- Спасибо, Сергей Валентинович...плохо!

- Алкоголик! Гы! Короче, Гарри накопал кое-какую информацию по твоему вопросу. Сегодня вечером ты идешь с моей дочей в один дом... Там планируется что-то вроде бала. За тобой заедет мой шофер в 8. Шоб был готов! Так чо, похмеляйся давай...

- Я вам безмерно благодарен...

- Вот женишься на Натке, тогда и поговорим! - еще раз хохотнул Куренин и дал отбой.

День обещал быть насыщенным. Чрезмерно. А до срока окончания пари оставалось всего два дня...

Глава 4

Выходя из Лувра, где мне устроила встречу с университетской подругой Эдит Лианнес, я снова бросил укоризненный взгляд на шедевр идиотизма - стеклянную пирамиду, закрывавшую фасад старинного памятника архитектуры практически наполовину. Вот странно - уже четвертый день пошел с момента разговора в редакции, а я только и занимаюсь тем, что критикую все, что меня раздражает в городе любви - Париже, и гоняюсь за привидениями! Хотя, при той ситуации, которая складывается вокруг меня, ничего другого, наверное, и не остается... Девушка, на информацию от которой я рассчитывал как на два туза в прикупе, оказалась практически бессмысленной. Все, что я смог выяснить, так это то, что в честь гостя из Москвы было решено устроить вечеринку на крыше заброшенной многоэтажки, причем, место предложил он сам. Его встретили в среду утром у здания аэропорта, и проводили в дешевый отель на Пелят, после чего погрузились в подготовку пати. На самой вечеринке, уже изрядно поддатый гость каким-то образом умудрился вывалиться за ограждения, упав на бетонную подушку, сплошь усыпанную кирпичной крошкой. Естественно - насмерть. Еще более логично, что тусовка, включая диджеев, разбежалась с места преступления - очевидно готы баловались наркотиками, или же в их среде был большой процент несовершеннолетних. Хотя - возможна комбинация первого и второго. Сама Эдит прийти на вечеринку не смогла, а потому свидетелей по сути нет. Оставалась одна единственная надежда - найти реальных участников роковой пати. И на это у меня оставалось не более шестнадцати часов, из которых как минимум три я буду вынужден провести в расшаркиваниях на званом вечере в одном из гламурных коктейль-холлов. Правда, Куренин обещал дать еще кое-какую информацию... Пребывая в этих мыслях, я отправился в аэропорт, чтобы заказать пару билетов на Ривьеру.

- Добрый день, мадемуазель. Два билета в первый класс на субботу, пожалуйста. Назначение - любой курорт Ривьеры.

- К сожалению, месье, - улыбнулась мне шаблонным сервисным оскалом кассир, - в субботу рейсов на Ривьеру нет. Воскресенье, утро?

- Да, пожалуйста.

Чувство дежавю не оставляло меня на протяжении всего разговора. Наверное, потому что три недели тому, я летал в Москву, писать репортаж для "Форбс"... Тогда мне девушка так же улыбаясь сказала: "к сожалению месье, рейсов от Москвы во вторник нет. Четверг, полдень? И вдруг меня осенило!

- Скажите, мадемуазель, рейс Москва-Париж во вторник восстановлен?

- Сожалею, месье. - покачала головой девушка, сверившись с компьютером. - Только полдень четверга...

- Простите, я жду своего...брата. Он должен прилететь из Российской Федерации утром в среду! Неужели это невозможно? Может, пересадка?

- Нет, месье...К сожалению, это невозможно. Возможно, он прибудет поездом? Однако, я ее уже не слушал. Отойдя в сторону зала ожидания, я торопливо достал селлфон и набрал номер Эдит...

- Простите великодушно, мадам Лианнес, вас беспокоит Эл Полесофф. Мы встречались сегодня с вами в Лувре. Позвольте уточнить одну единственную деталь...

Вечером к моему дому подъехал красный "Ягуар", в котором, помимо седоволосого водителя восседала Наталья Куренина, дочь спиртного магната.

- Ах, какая дивная погода, мсье...или можно просто Эл?

- Наташа, просто Эл. И можно по-русски. - я улыбнулся, чтобы хоть немного разрядить нервозность ситуации, - я слишком устал от французского...

"Тем более - столь ужасного" - добавил я про себя и спросил:

- Куда мы едем?

- Мы едем в гости к моей подруге, у которой сегодня соберется весь цвет Парижа! Мадемуазель де Лонж - настоящая графиня, кстати, собирает сегодня благотворительный вечер в пользу обездоленных детей Франции...

- Обожаю благотворительность, - пробурчал я, как бы не обратив внимания на идиотскую формулировку "собирает вечер"

- Скажите, а почему рарап именуется вас "Алексашкой"?

- Это он играет в Петра Великого, - не менее дружелюбно, чем перед этим, отвечивал я, потрясаясь глупости данного экземпляра. Вот уж действительно, на детях умных людей природа отдыхает...

- В кого?

На счастье, мой селл проиграл ретро-микс на Шарля Азнавура, и я с радостью отвлекся на разговор с несуществующим собеседником на тему курса акций "Мулен Руж". Для непосвященных поясню - в ожидании подобного разговора, я своевременно завел будильник. И, хвала Моторолле, он меня не подвел!

Сценарий подобных вечеринок мне знаком очень хорошо - постоянное расшаркивание, легкие коктейли, сбор пожертвований. Сам не раз организовывал подобные! Вот и эта не стала исключением... Я сучал в углу, презентовав

общество мадемуазель Натали какому-то полноватому буржуа из так называемых "интересных кавалеров", слушал музыку - ненавистный мне джаз, и разглядывал "комильфо" представителей высшего общества. Постепенно мне становилось понятно, что данный жест Куренина относился к категории "извините, не получилось". Ну, не вышло найти что-нибудь интересное... Так позволь, мальчик мой, я хоть выведу тебя в свет! Ах, не стоит благодарности!

Информация, которую я смог найти в сети интернет нуждалась в проверке, а я просаживал драгоценные минуты, выслушивая всякие "Как вы прекрасны!", "подобное платье, но только кремовых оттенков пошло бы вам гораздо больше", "этот Поль - такая милашка" и "знаете, дети России, пострадавшие от Бесланской трагедии, нуждаются в помощи не менее..." Простите? Я обратил свой взгляд в угол, где стояли те, кто торжественно именуется в подобном обществе меценатами, и понял, что за сюрприз приготовил мне Куренин... Там, среди толстощеких, лощеных кошельков с руками стоял молодой человек, обладающий светлыми до прозрачности глазами. Покойный Иоаким Торве...

Он пил шампанское, что-то рассказывал меценатам, а трое из последних уже успели подписать чеки. Пристроившись неподалеку, я принялся наблюдать за их беседой, абсолютно, кстати, бессмысленной. Хотя искусству общения с толстосумами, мне стоило бы у него поучиться... Он безбожно льстил им, расшаркивался с их женами, говорил комплименты и рассказывал анекдоты... Однако, около десяти вечера, его телефон проиграл короткий рингтон.

Извинившись, Иоаким отошел в сторону. Я чудесно слышал его разговор - диалог проходил безбоязненно по причине того, что велся на русском... Постояв еще немного с господами-кошельками, он вновь извинился и, накинув пальто, покинул вечеринку. Вполне логичным было то, что я двинулся следом за ним. Отойдя два квартала, я окликнул его:

- Мосье, погодите!

Он остановился и недовольно окинул меня взглядом:

- Вы, простите, кто?

- Мы не представлены друг другу. Меня зовут Севил Ист. Я слышал ваш монолог о детях, погибших в Беслане, но я не успел внести свою часть пожертвований.

Расскажите мне немного больше о вашем проекте!

- Меня зовут Игорь Савин, я из России и действительно планирую организовать помощь детям, пострадавшим от терроризма. Но сейчас, к сожалению, я не располагаю достаточным временем, чтобы посвятить его вам...

- Я провожу вас, мосье Савин, если на то будет ваше милостивое соизволение... Неужели можно быть настолько глупым, чтобы отказаться от еще одного чека?

Мы, практически молча, прошли в сторону перекрестка Жерналь и Эрман, когда мой знакомец свернул в арку, соединяющую бюджетные дома и прошел напрямую к подъезду.

- Месье пройдет со мной? Мне кажется, за бокалом вина подписание чека пройдет гораздо успешнее.

- С удовольствием. Кстати, какая сумма вас может сейчас заинтересовать?

- Месье Ист, видимо шутит. Какие могут быть торги в вопросах благотворительности?

- О, простите! Вечная американская привычка переводить все разговоры на торг... Но, месье Игорь, не сочтите меня нахалом, но мои партнеры определенно потребуют каких-либо гарантий того, что наши деньги пойдут именно на благотворительность, а не, к примеру, на закупку оружия.

- Я готов продемонстрировать вам...серьезность наших намерений. - криво усмехнулся Игорь-Юрий-Иоаким, - пройдем ко мне и обсудим все детали.

- О, с удовольствием, месье Игорь! Сразу чувствуется деловой человек! Только, с вашего позволения, я сделаю один звонок моим коллегам. Согласую сумму! Я сделал два шага в сторону, в тень огромного платана, где, достав из кармана селлфон, набрал знакомый номер.

Войдя в полуосвещенную квартиру-студию, я окинул взглядом интерьер и первое же, что заметил на столике у кровати - это прекрасной работы рубин, оправленный в металл. Я находился в логове Баньши - сомнений быть не могло!

- Ну что, журналист, поговорим откровенно? - голос хозяина. Он стоял в дверном проеме, перекрывая любой подход к выходу. - Что ты хочешь получить за молчание?

Я судорожно напряг память, пытаюсь вспомнить, что делали в подобной ситуации шпионы и герои из классики, затем вальяжно сел в кресло:

- Для начала, Юрий, я хочу, чтобы вы перестали мне тыкать. Присаживайтесь! Побеседуем...

- Ну что ж.. - красивое лицо фальшивого добродетеля исказила очередная кривая усмешка. Очевидно, не подозревая о том, что за мной стоит достаточно серьезная сила, он сел на стул венской работы прямо напротив меня.

- О чем вы хотите говорить?

- Например, о том, какие ошибки вы допустили, Юрий. Спору нет - ваш криминальный талант достоин уважения! Вы отлично инсценировали собственную смерть, упав с крыши. Естественно, умирать вы и не собирались, учитывая кредит от трех банков! Достаточно было собрать десяток свидетелей, которые разбежались сразу же, как только увидели ваше тело - кому нужны проблемы? - чтобы те подтвердили вашу гибель...

- Продолжайте...

- Далее вы, практически без проблем устранили троих человек, которые оставались рядом с телом до тех пор, пока не приехала "амбьюланс". Что там было? Скинхеды? Националисты? Да неважно... Главное, что все те люди, что могли опознать вас и подтвердить факт того, что человек, упавший с двенадцатого этажа остался практически целым.

- Десятого... - хмуро буркнул Юрий

- Что, простите?

- С десятого этажа, осел! - сорвался на крик аферист

- Неважно! - я чувствовал себя на вершине, - Уехать во Францию проблем не составляло - билет вы купили заранее, да и новость о вашем самоубийстве прошла только через два дня по прилету в Париж. Здесь вы решили немного сменить тактику, войдя в стовор с некой Мадлен Фолан, вашей давней подругой и человеком через которого вы проводили деньги. Потом вы опять-таки упали с крыши, но теперь не рисковали с банальными убийствами свидетелей. Все-таки, легкая мистификация гораздо интереснее! Так появилась Баньши. Не правда ли, бармены самый трепливый народ? Они разносят слухи похлеще торговков на Рынке! Мадлен не составило труда очаровать вашего брата, а вместе с ним - еще десятков мужчин, чьим состоянием вы без труда завладели при помощи... Вы пользовались пентоталом? Без сомнения - только с помощью этой дряни можно убедить человека покончить с собой. Очень удачная идея! Наркотик правды очень быстро уходит из организма, а сознание он раскрывает очень удачно. Для любого психовоздействия... Ваша страсть к театрализидам вас погубила, месье Юрий... Окончить свой монолог я не успел. Меня оборвал голос, исходящий из проема, ведущего в соседнюю комнату:

- А тебя, Александр, погубила глупость! Сиди спокойно и не делай резких движений.

В лицо мне смотрел ствол "Стечкина", направленный хладнокровной рукой хорошо знакомого мне человека, и я знал, что рука эта гарантированно не дрогнет. Потому что был уверен, и сомнений быть не могло - Сергей Валентинович Куренин убивать умеет...

- Такой перспективный молодой человек, а записался в филеры... - покачал головой Куренин, присаживаясь на стул, услужливо освобожденный Юрием, - неужели ты думал, что мелкая сошка, вроде моего племянника, способна на подобную аферу? Ох, вовремя ты пришел ко мне в гости, дружок...

Вороненый ствол, что пронизывал фантомным холодом низ моей груди, даже и не думал дрожать. Он крайне внятно сообщал мне, что вряд ли я выйду из этой комнаты живым.

- Глупыш, - продолжал Куренин, - ну что тебе не писалось? Захотел почувствовать себя детективом? Решил сделать сенсацию? Дурак!

Он резко вскочил со стула и ударил меня свободной, левой рукой в скулу.

- Ты, придурок, хоть понимаешь, на чьем пути ты стал?

Я потер горящую щеку, и брякнул:

- Нет!

- Тебе, тупица, нужно было с самого начала не влезать в это дело! Понятно?

- Практически все, Сергей Валентинович. Кроме одного - где вы брали пентотал в таких количествах? Это же безумно дорого!

- Ой, не смейся! - отмахнулся Куренин - Деньги могут все. Даже покупать "правду" напрямую у полиции.
- Так-таки, русская мафия, дядя Сережа? - спросил я с максимальной фамильярностью, какая позволена смертнику.
- Какая, в жопу, мафия! Просто хороший бизнес. Еще пара стран, и мы сможем эту самую мафию купить, перепродать и снова купить! Юра, приготовь мне бокал виски. От ожидания у меня в горле пересохло!
- Ваш племянник привел меня сюда по вашему указанию?
- Господи, Алексашка, неужели ты и правда думал, что злоумышленник привел бы тебя в свою берлогу добровольно? - Куренин жестоко расхохотался. Очевидно, приходило время "светить карты", как любил выражаться мой партнер по преферансу...
- А теперь послушайте меня, Сергей Валентинович.
- Ну-ну... После того, как ты позорно прокололся, поверив в жадность, мне даже слушать тебя стыдно!
- А зря вы так думаете, господин Куренин. Равно, как и Юрий зря думал, что я имитирую телефонный звонок партнерам по бизнесу. Я действительно звонил...
- Ты был готов пожертвовать деньги??? - лицо Куренина удивленно вытянулось - Господи, да ты еще глупее, чем я думал! Ты действительно звонил своему менеджеру??
- Я и правда, глупее, Сергей Валентинович. Только звонил я не менеджеру.
- А кому же? Ну-ка, удиви меня!
- Я звонил Ансельм Фонтенж, комиссару полиции. Той самой Ансельм, благодаря оперативной работе которой, сейчас на вашем лбу красуется очаровательное красное пятнышко... Так что, я просил бы вас не делать резких движений и положить пистолет на пол. Из чистого уважения к вам, я обещаю сказать полиции, что вы не угрожали мне оружием, а добровольно сдали своего премиа. Куренин скривил лицо в злобной гримасе:
- Сука ты, Полесов! Сука!
- Да, я такой. Однако же, я не рекомендовал бы вам затягивать - сейчас за комнатой ведется наблюдение, и, поверьте, даже после очереди из вашего пистолета, я успею подать знак снайперу, всего лишь вскинув руку вверх. Положите пистолет на пол и подтолкните его ко мне. Вы, ведь, любите жизнь? "Стечкин" уже успел коснуться паласа, когда в комнату вошел Юрий...
- Дя...
- Заткнись и следуй примеру своего дяди. Лицом к стене!

Эпилог.

- Скажи, Эл, тебе было страшно? - спросила у меня Анси, когда мы вытянулись в удобных креслах самолета, - Ты, ведь, точно не мог гарантировать, что русский ублюдок испугается?

- Милая Ансельм, сказать честно - я боялся до жидкого поноса. Но жизнь ведь дороже, не правда ли?

- Ты отлично справился, дорогой мой Эл. Только...с чего ты решил, что все эти самоубийства - подлог?

- А я и не решал ничего такого. Просто мне очень хотелось провести с тобой неделю на Ривьере!

Урок Эрешкигаль

*«Принимая на себя ответственность
за помощь человеку, ты принимаешь
ответственность за его душу...»
Оскар Уайльд*

01.

Возможно, сегодня свершится то, к чему я шел так долго. Все, к чему я стремился практически полгода, сегодня станет реальным! Я вновь и вновь смогу целовать милые глаза моей Натали... Но, наверное, стоит начать мою историю, (как всегда, когда не знаешь - с чего), с самого начала...

02.

На площади у вокзала Сен Лазер всегда людно. Зазывно мелькают огоньки такси, приглашающие скрасить осенний холод в теплом чреве "Пежо" или "Паккарда". Звонким уютом манят многочисленные бистро и кофейни. Кабаре "Сова" недвусмысленно обещает "лучших девушек Парижа, которых не увидишь даже в Крейзи Хорс!", при этом приоткрывая зрителю неоновую грудь неоновой девушки. Это Париж, и он неизменен... Усталые от толкотни французы (которых в Париже осталось меньше половины населения) толстой изможденной гусеницей вползают в метро. И - она. Девушка, которая смотрела на мир глазами исполненными надежд и ощущением пустого кошелька в кармане. Когда к ней подошли два жандарма, очевидно, с приглашением пройти в "большую клетку", я не удержался:

- Привет, дорогая, - сверкая улыбкой, обнял ее, заодно оттесняя жандармов, - прости, я опоздал. Ну ты же знаешь эти вечные пробки!

Тут, я, как бы, только заметил полицию:

- У месье были какие-то вопросы?, - обратился я к старшему по чину жандарму.

- ммм... Месье знаком с мадмуазель?

- Ха! Знаком ли я с Этьен? Знаком ли со своей невестой? Месье, очевидно, любит шутить!

Я приглашающе рассмеялся, приглашая представителя закона присоединиться к оценке очевидно комической ситуации, однако осекся:

- Но, она сказала, что ее зовут Натали!, - нахмурился жандарму, - Натали Дюпон, если я не ослышался... Ваши документы, пожалуйста!

- Месье не ошибся, - начал исправлять дрянное положение я, попутно доставая документы о регистрации, - Натали-Этьен ее полное имя! И вскоре она станет мадам Полесофф, будьте уверены.

- Господин Полесофф? Это вы? Моя жена зачитывается вашими романами! Как она говорит, "этот очаровательный колорит а ля Русс". Не будете ли вы так любезны

черкнуть для нее пару слов? Может, вас подвезти куда? У нас смена почти закончилась...

Последний козырь сработал! Имя известного писателя сработало безотказно.

Все это время, девушка жалась к колонне, испуганным взглядом более походившая на избитую злыми мальчишками собачку. Породистую и красивую – одновременно жалкую и обиженную.

- Поехали?, - спросил я

- Вы, правда, писатель?, - ее марсельский акцент казался песней ангелов на Благовест...

Так, Натали, сирота, только выпустившаяся из стен интерната Сен Антуан в Марселе, переехала ко мне, в двухкомнатную студию на третьем этаже бюджетного дома, что на площади Клиши. Мы обманули жандармов совсем немного. В том, что она станет моей женой. Натали Дюпон, выпускница интерната, была больна туберкулезом, о чем молчала короткие полтора года счастья... Молчаливо она просматривала и корректировала мои рукописи, с тихой улыбкой снося боль – только бы не причинить боли мне. И когда я отвез ее в лучшую клинику доктора Монтеги, врачи только развели руками. Моих счетов, кредиток и имени было недостаточно для того, чтобы вернуть угасающую жизнь... Кашель, так характерный для этой чумы, она старательно маскировала до последнего.

Я похоронил ее в уютном уголке Пер Лашез, неподалеку от Оскара Уайльда, которым она зачитывалась. Даже могильный камень ее я украсил бессмертными стихами из "Кентервильского привидения".

03.

Такова преамбула моей истории, господа. Я не смогу передать строками всю ту боль, которая рвалась наружу из моей груди, в клочья разрывая сердце. Измученная душа смогла найти покой только когда я снова начал писать. Мой контракт с "Иллюстрасьон" был восстановлен, и руки, трясущиеся, словно у пьяницы с Рю де Гош, вновь взяли перо. Чувства лились настоящим водопадом, эмоции захлестывали читателя, увеличив продажи книг так же, как водоворот стремительно увлекает утлую лодчонку. На одной из презентаций, что проходила в "Бровари", на Вивьен, я и познакомился с опереточной певичкой Эжени Лямур (Евгения Любимова, как звали ее на Украине).

- Месье Полесофф, вы, ведь, русский?, - спросила она

- Не совсем. Я из Украины.

- Не может быть!!, - деланно-артистически она подняла черные, и на мой взгляд

- чрезмерно густые - брови, - Я, ведь, тоже украинка! Из Днепропетровска. Я пела там в хоре Оперного театра. А вы откуда?

- Харьков, мадам.

- Мадемуазель, с вашего позволения..., - эта полноватая барышня определенно кокетничала, как и большинство эмигранток, с именитым земляком. Я недовольно поморщился, а она продолжила свой треп:

- Месье пишет такие грустные книги! Я просто слезами обливалась, когда читала ваш последний роман! Наверное, у вас горе? Несчастливая любовь?

- Скорее - последнее, - буркнул я, понимая, что от этой барышни не отвязаться.

- О! Она ушла от вас! Как же это по-французски!, - выдала она еще один театральный пассаж.

- Да. Ушла. На тот свет!, - я круто развернулся к выходу. Презентация уже заканчивалась, а бередить и без того кровоточащую рану вовсе не хотелось. Но эта настырная баба (назвать ее по-другому у меня уже не поворачивался язык) догнала меня у самого выхода, и, ухватив за локоть, зашептала на ухо, прежде чем я успел вывернуться:

- Я знаю человека, который сможет вам помочь! Приходите ко мне в субботу, я расскажу вам о нем!

И сунула в карман пальто свою визитку...

Стоит ли говорить, что в субботу я вышел из метро на станции Сен Мартен и направился к пятиэтажному дому с табличкой, указующей на то, что каких-то сто лет назад здесь писал свои картины какой-то Мариуш Тенои. Эжени встретила меня в пафосном вечернем платье, украшенном безвкусными стразами, и тут же, распираемая гордостью, кинулась представлять меня гостям. Я с удовольствием испортил ей торжественную минуту, вычленив из публики свою старую знакомую:

- Приветствую, Наташа!

- Еб, твою мать! Эл! Ты здесь? Вот же ****ская Франция! Никуда от соотечественников не спрячешься!

Я поморщился:

- Наташка, ты без мата уже и обходиться разучилась? Как там Эд?

- Нормально. Сейчас в Лефортово. Заебал он меня своей идеей революции.

- Ну а я от нее сбежал сюда...

Эжени-Евгения смотрела на нас с широко раскрытыми глазами. Жена Лимонова никогда не казалась ей некой интересной персоной...

Уже прозвучали все комильфо-тосты, уже Наталья обложила матом какого-то поэта, который тянул руки к ее груди, когда я отозвал раскрасневшуюся Эжени в сторону:

- Мадемуазель обещала что-то мне рассказать...

- Ох, милый Эл, ну что ты так спешишь...вечер только начинается! Ну да ладно...

04.

Декабрь на площади Пигаль делится на два периода - до Рождества и после него. До Рождества это унылая брусчатка, усеянная окурками. Рисованная углем и пастелью клетка. Зверинец, в который приходят любители смутных утех, потребители продажной любви, прячущие свои лица под модными клетчатými шарфами и похабными гарсоньетками в стиле семидесятых. Во время праздников Пигаль просто преображается - великолепная иллюминация, шатры с продавцами, предлагающими сладости, красавец Клаус, игрушки и сладкая вата. Ну, и конечно же - аккордеон. Инструмент, от звуков которого замирает сердце...

Сейчас пятнадцатое декабря. Затишье перед взрывом эмоций и фейерверков. Жандармы вяло гоняют шлюх. Сутенеры вяло их отстаивают, оперируя личным знакомством с шефом полиции Девятого участка. Все как всегда. Замирает в ожидании праздника время, будто живое. Будто ребенок, который с трудом засыпает в ожидании своего дня ангела. В ожидании подарков и пирога с ревенем...

Я пересек Пигаль и углубился в арабский квартал. Место, где мне советовали постоянно держать руку обутой в кастет, а лучше - на рукояти револьвера. Дом Комбара, который мне красочно описала Эжени Лямур, я различил без труда - среди лачуг, которыми район изобиловал, его жилище выглядело просто шикарно. Не без дрожи в коленях, я постучал чугунным молоточком о бронзовую бляху.

Дверь отворилась и я увидел седого араба, который сурово спросил, какого шайтана меня носит по ночам у домов приличных людей.

- Мосье Комбар-бай?, - спросил я, протягивая свю карточку, - Мне рекомендовала вас Эжени Лямур, которой вы помогли год назад. Глаза старика посветлели, будто при воспоминании о чем-то очень приятном, и он жестом пригласил меня в дом...

- Я, действительно могу помочь тебе, шурави. Путешествуя по миру я познал множество тайн. И один чародей в Штатах действительно открыл мне секрет возврата к жизни усопших. Вопрос только в том, на какие жертвы придется пойти ради этого...

Голос Комбар-бая в сочетании с ароматом курящихся благовоний и приглушенным светом звучал просто гипнотически. Мы пили черный ром, принесенный мной (так сказала Эжени Лямур) и говорили о моей проблеме.

- Что нужно для этого? Кровавое жертвоприношение? Контракт с дьяволом? Продажа души?

- Почти... Древняя магия, подаренная избранным великой Эрешкигаль требует, чтобы ты отдал ей все души, которые принадлежат тебе.

- Мне? А разве хоть одна душа принадлежит мне? Да я, ведь, не являюсь хозяином даже своей душе!

- Каждый раз, как учит ясноокая Эрешкигаль, когда ты помогаешь человеку, он отдает тебе частичку своей души. Именно эти частички ты и должен будешь отдать в дар Смерти, предварительно собрав, ибо лишь по твоему требованию, шурави, они станут твоими.

- Как мне сделать это??? - почти прокричал я

- Я научу тебя всему, что тебе нужно будет знать.

05.

Я вышел из дома поздним утром. Мне предстояла большая работа. В боковом кармане пальто у меня лежала небольшая тыква-горлянка, выдолбленная изнутри. В ней что-то громыхало при потрясании - как объяснил мне Комбар-бай, кости священного животного. Ровно в тот момент, когда стук их о стенки перестанет быть слышен, Эрешкигаль сможет вернуть душу моей возлюбленной Натали в ее же тело. Обновленное, здоровое тело. Ни капли не тронутое печатью Смерти и тлена...

Первым делом, я отправился на площадь Звезды, где два месяца назад отбил одну девушку из лап каких-то темнокожих засранцев.

- Здравствуй, Ивон!, - приветствовал я своего знакомого сутенера, чью девочку я тогда и защитил.

- О! Здравствуй, Эл! Как книга?

- Продвигается. Скажи, я могу увидеть Лулу?

- А, - осклабился Ивон, - Ты таки решил воспользоваться предложением отблагодарить тебя? Сейчас я ее позову...

- Ивон, я не хочу спать с нею. Мне нужно просто поговорить с нею.

- Зря...Она у меня лучшая!

Лулу подошла через минуту. Она была одета в оранжевый комбинезон, облегающий ее очаровательную фигурку.

- Как я рада тебя видеть, Эл...Саша!

- Людочка, ты еще не передумала? Может, правда, тебе лучше вернуться в Москву?

- Нет, дорогой. Лучше я буду проституткой здесь, чем лимитой на родине. Да и Ивон заботится обо мне. Я правда, очень благодарна тебе! Магическая фраза прозвучала. Жар в районе бокового кармана подсказал мне, что Комбар не обманул меня, и частичка души, совершенно незначительная для оппонента, обрела новое вместилище... Мы посидели немного в бистро "Нимате" у дороги, выпили кофе. Мне было чертовски приятно слышать красивую русскую речь, благодаря которой я и помог Лулу. Тогда мне было достаточно услышать крик о помощи на русском.

06.

В тот день я успел обойти полтора десятка мест, где когда-либо оказывал людям помощь. Начиная от Рю де Паради, где жила еврейская семья господина Фожа, чью дочку я помог вылечить от запущенного кифоза и заканчивая Фобур, где молодой художник Тревор, благодаря моей помощи, смог организовать свой первый показ. И везде, получая благодарности, я ощущал жар душ в тыкве-горлянке... И вот, минута торжества была уже близка! После того, как я пожал руку господину Галло, которого два года назад свел с Марией Дестен, известной в определенных кругах целительницей от импотенции, магический кувшин перестал грохотать... Более десятка благодарных душ были готовы к принесению в жертву таинственной Эрешкигаль.

Согласно инструкций Комбара, я должен был отправиться в полночь к могиле моей драгоценной Натали, разбить кувшин и пожелать... Только лишь пожелать! Всего пять часов - и моя Натали снова получит шанс жить.

С целью скоротать время, я отправился гулять по тем местам, где мы так любили бродить вместе. Триумфальная арка, площадь Звезды, Рынок...и конечно же, площадь перед вокзалом Сен Лазер. Долгими вечерами мы гуляли в этих краях, обсуждая бурлящую вокруг нас жизнь... Я смотрел на огни Парижа, еще полгода назад столь ненавистные мне, и думал о том, что скоро мы снова сможем смеяться над эпатажем Булонского леса, читать друг другу стихи Есенина и Уайльда, потешаться над эмигрантской тусовкой и грустить над ушедшими в небытие временами... Мои мысли оборвал плач ребенка. Замурзанный мальчишка сидел у оградки, отделяющей скорбный дом от проспекта. Слезы его лились рекой.

- Привет, дружок!, - я присел на корточки и осторожно погладил его лохматую голову, - Чего грустишь?

- Месье...моя мама...

Он разрыдался так безутешно, что мое сердце снова вздрогнуло. Вздрогнуло, будто ток, который я почувствовал при встрече с Натали, вновь пробежал по моему позвоночнику и взорвался мириадами искр в мозгу.

- Что с нею, малыш? Что случилось?

- Она больна, месье... Она умрет в Салпетриере, а меня завтра отправят в интернат! Месье, я тоже умру?

Рыдания мальчишки, столь доверчиво обнимающего незнакомого мужчину в респектабельной одежде, разорвали меня изнутри. Судьба испытывала меня, как и обещал старый колдун. И я понимал, сколько стоит одна слезинка этого замухрышки. Натали много рассказывала мне о своей жизни в интернате. Она говорила о неприятии, о побоях, о цинизме... И я не мог допустить, чтобы этот маленький человечек познал то, что познала она.

- Малыш, ты можешь поверить в сказку?

- Месье, я готов верить всему...

- Тогда, я обещаю тебе, что завтра ты увидишь свою маму!
- Вы мне лжете, месье!
- Увидишь.

Я отошел за угол и со всей силы швырнул тыкву о мостовую. Синий дым туманом покрыл небольшой переулок, скрывая мою фигуру от удивленных лиц случайных прохожих.

- Я желаю, чтобы мама этого мальчика снова была здоровой и дарила ему счастье! Силой душ, которые я приношу тебе, Эрешкигаль, я требую для них обоих счастья!!!

На кладбище было тихо. Я пришел туда только для того, чтобы встретиться с Комбаром...опоздав на три часа. Тяжелая рука легла на мое плечо:

- Ты пришел. Я знал, что ты не испугаешься. Ты готов принести благодарные души в дар Смерти?
- Простите, Комбар-бай. Я уже принес их в дар Жизни. Я не прошу вернуть мне гонорар - пусть он останется вам за труды...

07.

Комбар смотрел на меня так, словно пытался сделать рентгеновский снимок. Наконец, через минуту полного молчания, он произнес:

- Ты - молодец, шурави. Ты понял главный урок Эрешкигаль. И, надеюсь, теперь поймешь, почему никто еще не возвращал мертвых к жизни...
- Жизнь нужна живым?
- Да, шурави...Именно так. Ты узнал многое.

08.

Я прошел через Вивьен в направлении Монмартра. Сегодня меня там ожидала очередная презентация романа. С многочисленными критиками и поклонниками. Автографы, подписи и пожелания....

- Месье!

Неожиданно, от Рю де Паради отделилась фигурка маленького мальчика в матросском костюмчике. Он бежал через оживленный перекресток прямо ко мне.

- Месье! Месье! Я узнал вас!

Тот самый мальчик, которого я еще четыре месяца назад гладил по голове у Салпетриеры, бросился мне в объятия.

- Месье...

- Малыш, как тебя зовут?

- Тим, месье...Спа...

- Стоп! Не благодари меня!!, - крикнул я на него, от чего малыш несколько сник, - Правда, поверь, я не сделал ничего...сверхъестественного...

- Тим! Что ты делаешь?, - строгий женский голос вынудил малыша оторваться от моей шеи.

- Мааам, познакомься, - это Санта!!

- Тимофей, отстань от месье! Я же говорила тебе, что Санты не существует!

Я поднял глаза и увидел... Поверите ли вы мне, выдумщику, что я увидел свою Натали? Чуть старше - но столь же очаровательную, с морщинками-лучиками у глаз - но такую же свежую и прекрасную...

- Мадам, я хочу вас разочаровать. Святой Николай существует!

Она окинула меня холодным взглядом, который окрашивался улыбкой:

- Мадемуазель. А вы, наверное, сказочник?

Я улыбнулся ей, поднимая малыша Тима на руки:
- Да...Натали!